

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

На правах рукописи

Николаев
Сергей Львович

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ
И ЛИНГВОГЕНЕЗ СЛАВЯН

Специальность 10.02.03
Славянские языки (западные и южные)

н а у ч н ы й д о к л а д

на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
1992

Работа выполнена в институте славяноведения и балканистики РАН.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, проф. Т.М. Николаева
доктор филологических наук Л.Г. Герценберг
доктор филологических наук О.Н. Мароховская

Ведущая организация - Институт языкознания им. А.А. Потебни Украинской АН

Защита диссертации состоится 25 июня 1992 г. в 16.00 на заседании специализированного совета Д 002.97.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте славяноведения и балканистики РАН по адресу: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А, корпус "В", 9 этаж.

С опубликованными работами автора можно ознакомиться в библиотеке Института славяноведения и балканистики РАН (Москва, Трубниковский переулок, 30-а).

Научный доклад разослан 22 мая 1992 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

М.И. Ермакова

© Институт славяноведения и балканистики РАН

В настоящем докладе излагаются результаты многолетних исследований автора в области славянской, балто-славянской и индоевропейской акцентологии и славянской и балто-славянской лингвогеографии.

Все затронутые проблемы оказались тесно связанными между собой, так как морфонологическая классификация греческих и древнеиндийских морфем, как показало проведенное впервые в компаративистике акцентно-морфонологическое сравнение, находит непосредственное отражение в акцентологической морфонологии балто-славянских корней и суффиксов. Она, в свою очередь, объяснила балто-славянскую метатонию, заполнив тем самым "белое пятно" в балто-славянской акцентологии и одновременно подтвердив предложенную незадолго до этого тонологическую гипотезу происхождения балто-славянских акцентных систем. Эта же морфонология балто-славянских морфем позволяет решить многие из остававшихся до сих пор неясными особенности праславянских акцентных кривых, многообразно отразившихся в отдельных славянских диалектных системах.

Необходимость однозначной реконструкции праславянских акцентных кривых выводит нас непосредственно на проблему позднепраславянского диалектного членения, а ее решение оказывается одновременно решением проблемы отражения на современной диалектной карте черт племенных славянских диалектов (словен, кривичей и т.д.), что подтверждается наложением диалектных акцентологических карт на карты археологических культур. Сохранение в славянских диалектах рефлексов акцентуационных диалектных различий праславянского периода делает акцентологию мощным инструментом изучения лингвогенеза славянских народов. Дело в том, что различия между акцентуационными системами, возникшие в результате тривиальных фонетических процессов (оттяжки ударения, сокращения долгот и т.д.), в дальнейшем, морфонологизируясь, с трудом подвергаются разрушению в результате контактных взаимодействий диалектов. Акцентуационные модели пронизывают всю морфонологическую систему языка, обладая при этом низкой смысловозначительной функцией, в результате чего специфические признаки этих моделей, деформировавшись в одной грамматической кате-

гории достаточно регулярно сохраняются в других. Эти модели, как правило, не могут быть заимствованы другими системами уже в силу своего крайне сложного морфонологического устройства. Чересполосица древних акцентуационных систем на славянских территориях указывает на явно гетерогенный характер таких поздних общностей, как восточнославянская, южнославянская или западнославянская. Анализ древних акцентологических изоглосс и сопоставление их с неакцентологическими изоглоссами приводит к установлению новых пучков изоглосс, образование которых может быть привязано к определенному моменту истории: без акцентологической составляющей эти пучки, как правило, не могут быть однозначно интерпретированы в терминах относительной хронологии¹. Таким образом акцентология становится обязательной составляющей славянской исторической лингвогеографии.

Часть 1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ АКЦЕНТУАЦИИ

Данная часть работы посвящена анализу одного из важных разделов балто-славянской морфонологии – акцентуационно-морфонологическим классам производных глагольных корней и их сочетаний с прикорневыми суффиксами в парадигматических и именных образованиях. Этот анализ потребовал установления регулярных соответствий между балто-славянскими и греко-арийскими классами морфем.

Балто-славянская акцентуационная система, в основном реконструированная к началу 80-х гг., оказалась невыводимой из греко-арийской системы постановки ударения, традиционно считавшейся индоевропейской. Вторичную балто-славянскую счи-

¹ Например, такие изоглоссы, как рефлекс *mid* при восточноукраинском *med* и другие подобные диалектные различия, не могут служить критерием праславянской древности отделения галицких говоров от прочих украинских, но ряд акцентологических явлений, объединяющих галицкий с некоторыми болгарскими, влокавскими и западнославянскими системами, сводимыми с восточноукраинскими только на уровне общеславянской реконструкции, подтверждает конвергентный характер близости галицкого с восточноукраинскими диалектами. Таким же образом обнаруживается гетерогенность великорусского диалектного континуума (см. часть 3)

тать также нельзя, потому что имеются регулярные, но нетривиальные соответствия между балто-славянской и греко-арийской системами акцентуации как в имени, так и в глаголе. Поэтому назрела необходимость восстановления такой и.-е. протосистемы, которая обладала бы одинаковой объяснительной силой в отношении как балто-славянской, так и греко-арийской дочерних систем.

Реконструкция балто-славянской акцентуационной системы, начала которой были заложены работами Ф. де Соссюра, Я. Эндзелина, К. Буги, Л.А.Булаховского и Хр. Станга, была в целом завершена появлением фундаментального труда В.А.Дыбо "Славянская акцентология"².

Изучение истории балто-славянских акцентных парадигм привело В.А.Дыбо к выводу о том, что балто-славянские морфемы (как корневые, так и служебные) распределяются по двум акцентуационным классам, причем отнесение каждой отдельной морфемы к конкретному классу не было обусловлено фонетическими, морфологическими или иными синхронными характеристиками, а являлось традиционным, т.е. каждой морфеме была присуща определенная акцентуационная маркировка, которая была одной из основных характеристик данной морфемы. В балто-славянском восстанавливаются морфемы высшей акцентуационной валентности, определяющие место иктуса в словоформе (в морфонологической записи при них ставится символ "+"), и морфемы низшей акцентуационной валентности, не определяющие место ударения в словоформе, иными словами, морфонологически безударные (для их обозначения служит символ "-"). Ниже термины "доминантная" и "рецессивная" морфема будут использоваться для обозначения морфем высшей и низшей валентностей соответственно.

После того, как стало ясно, что формирование двух изначально противопоставленных акцентных парадигм (а. п.) балто-славянских имен и глаголов, неподвижной и подвижной, связано исключительно с акцентуационными характеристиками морфем, составляющих словоформы, возникла необходимость проверить,

² Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

нет ли и в других индоевропейских языках какого-либо разбиения морфем на морфонологические классы, генетически соотносимые с балто-славянскими акцентуационными классами. То, что балто-славянские акцентные парадигмы имени не являются инновацией, а отражают индоевропейские акцентные типы, известно из классической работы В.М.Иллич-Свитыча "Именная акцентуация в балтийском и славянском"³. Однако Иллич-Свитыч сравнивал словоформы, а нужно было выяснить, имеются ли соответствия между классами отдельных морфем. Проверку удобнее всего было начать с непроемных глагольных корней, для которых характерна легкая выделяемость из словоформ и для которых, благодаря их разветвленной словоизменительной и словообразовательной парадигме, можно найти много морфонологических позиций.

В.А.Дыбо установил, что в кельтско-италийском и германском в девербативах на *-to-* и *-tu-* старые долготы сохраняются в корнях, являющихся доминантными в балто-славянском, и сокращаются в тех корнях, которые в балто-славянском рецессивны⁴. Открытое В.А.Дыбо соответствие указывало на то, что противопоставление двух классов глагольных корней имеет индоевропейское происхождение.

Автором совместно с С.А. Старостиным был проведен анализ древнеиндийских, греческих, латинских, балтийских и славянских парадигм первичных глаголов, в результате которого выяснилось, что в указанных языковых группах и языках глагольные корни распределяются по двум морфонологическим классам, кардинальное различие между которыми заключалось в их акцентуации [Николаев, Старостин 1978; 1982]. Вторичными различительными признаками (в отдельных языках в процессе эволюции сделавшимися основными, иногда единственными) были различные способы образования видо-временных основ (в первую очередь презенса и аориста). В греческом языке различие между корнями двух классов обнаруживается в первую очередь в

³ Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.

⁴ Дыбо В.А. Сокращение долгот в кельтско-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // ВСЯ. 1966. Вып. 5.

сегментных морфологических явлениях (модификациях исходного вида корня).

После установления того факта, что в большинстве индоевропейских языков производные глагольные корни распадаются на два класса по своим акцентным, морфологическим и парадигматическим характеристикам, нам удалось показать, что эти классы соответствуют друг другу не только типологически, но и материально. Для каждого и.-е. корня в принципе можно реконструировать его принадлежность к одному из акцентуационно-морфологических классов.

Исследование древнегреческих производных глагольных корней в сочетании с прикорневыми суффиксами (суффиксами, занимающими в словоформе первое справа место от корня) привело к следующим результатам [подробное изложение см.: Николаев 1977; 1978; 1983; 1986а; 1896б; 1989; Николаев, Старостин 1977; 1978; 1982].

Выделяется класс суффиксов (I класс), при которых различаются три вида производных глагольных корней, условно обозначаемых как CVCV, CVC и CV̄:

Суффиксы	Корни CVCV	Корни CVC	Корни CV̄
I кл.			
-τάς	ἐχέ-τάς	βίχ-της	δó-της
-τρο/ᾱ-	ἄρο-τρον	φίλ-τρον	λύ-τρον
-θρο/ᾱ-	χρέμα-θρά	ἄρ-θρον	βά-θρον
-θε-	φλεγέ-θω	ἔσ-θω	κνί-θω
-θ- (ifc.)	χρέμα-μαι	εἶ-μι	φα-μί

При суффиксах I класса все корни CVCV ведут себя с морфологической точки зрения одинаково.

Существует другой класс суффиксов (II класс), при которых корни CVCV распределяются по двум классам. Корни CVCV I класса сохраняют конечный краткий гласный перед суффиксами со смычным анлаутом (точнее, всегда сохраняют его только корни с сонантным ауслаутом) и теряют его перед суффиксами с фрикативным, сонантным и вокалическим анлаутом:

-τορ-, -τήρ-	-σι-	-το-	-η-	-σ-	-μα
	(*ti)	(partic.)	(perf.)	(aor.)	
γένε-τωρ	γένε-σις		γένον-α	ἔγενετο	γένμα
νέμε-τωρ	νέμε-σις			ἔνεμα	
ἴχ-τωρ	ἴξις		ἴχμαι	ἴξον	
	ὄηξις	ὄηκ-τός	ὄηκ-α	ἔδηξα	ὄη-μα
	ἄρξις	ἄρξ-τός	ἄρξ-α	ἄρξα	ἄρξ-μα

Корни II класса имеют перед суффиксами II класса удлинённый конечный гласный, сокращающийся в морфонологически вторичной позиции редуцированной аблаутной ступени, мотивируемой некоторыми суффиксами. В корнях II кл. происходит также синкопа срединного краткого гласного, если это не приводит к возникновению в корне запрещённых сочетаний согласных:

-τορ-, -τήρ-	-σι-	-το-	-η-	-σ-	-μα
	(*ti)	(partic.)	(perf.)	(aor.)	
ἄρο-τήρ	ἄρω-σις	ἄρο-τός			ἄρω-μα
κρά-τήρ	κρά-σις	κρά-τός	κέκρα-χα	κρή-σαι	κρά-μα
	βρώ-σις		βέβρω-χα		βρώ-μα
	σχέ-σις	σχέ-τός	ἔσχη-χα		
		μαχ-τός	ἔμαχ-σάμην		

По указанным двум морфонологическим классам распределяются все греческие прикорневые суффиксы. У корней морфонологическое различие между двумя классами сохранили только корни CVCV (= "двусложные", set), корни же вида CVC (anit) и CV ("ларингалные") отчасти сохранили различие между старыми классами в парадигме и акцентуации производных.

Греческая "метатеза", т. е. удлинение ауслаутного гласного корней CVCV (set) в корнях II класса перед суффиксами II класса не является греческой инновацией, а напротив, восходит по крайней мере к греко-арийской эпохе. Оказывается, что в древнеиндийском (ведийском) в образованиях с теми же и.-е. суффиксами, которые принадлежат в греческом ко II классу, корни-set I класса имеют в этой позиции краткое -i: 1. *jánima* (V), *janitār* (V), *jánitōs* (V) от *jánati* 'родить' - на I кл. указывает корневой аорист *ajan* (Sutr.), а также

баритонированное помен *passivum*⁵ *jāna-* 'человек, народ'; греч. γεγε- I класса: образования с суффиксами II кл. γεγε-τωρ, γεγεσις, γεγεννα.2. *panitār* (RV) от *pānanta* 'восхищать' - на I кл. корня указывает медиальный сигматич. аор. *paniṣṭa* (3 л. ед. ч.). 3. *veditār* (V) от *vētti* 'знать' - на I кл. корня указывает през. *vētti, vidati*, а также баритонеза помен *passivum vēda-* 'священное знание, веда' ('результат знания, узнавания'); греч. (ἐ)γεῖδε- I кл.: образования с суффиксами II кл. ἐεῖσαίτηρ, -ιστος, ἴδμων, οἶδα, ἴστωρ; слав. **vidjъ, *vidite* неподвижной а. п. (доминантный корень). 4. *jaritār* (V) от *gurātē, grṇāti* 'петь; приветствовать' - на I кл. корня указывает аор. *gūrta*; слав. **zbrъ, *zberete*, 1-причастие **zbrь, *zbrla* - неподвижная а. п.; лтш. *dziŗt* (с плавной интонацией, что указывает на доминантность корня).

Напротив, формы с долгим *-ī* образованы от корней II класса: 1. *grābhītār* (AV) от *grbhṇāti* 'хватать' - ср. слав. **grēbъ, *grebetē* подвижной а. п. (рецессивный корень). 2. *dārīma* (RV) от *dārṣi* 'рвать' - на II класс корня указывает активный сигматич. аор. *-darṣat*; слав. **dērъ, *deretē*; 1-причастие **dьrаь, *dьrаlа* - подвижной а. п. (рецессивный корень). 3. *bhāvītva-* (RV) от *bhāvati* 'быть' - др.-инд. корень II класса: корневой аор. *ābhūt*, тематич. аор. *ābhūyat*; лтш. *būt*; слав. супин **bъtь, 1-причастие *bъtь, *bъlа* - рецессивный корень; лат. краткость *-u-* в *futurus*. 4. *dārīma* (RV) от *bhārati* 'нести' - на II кл. указывают аор. *abhār, bhārṣat*, окситонеза помен *passivum bhārā-* (RV) 'ноша, тяжесть' ('то, что несут') и баритонеза помен *activum bhāra*(RV) 'захватывание, бранье добычи'; греч. φερε- II кл.: образования с суффиксами II кл. -πίφρησι, аор. -φρησαι; слав. **dērъ, *beretē*, 1-причастие **bьrаь, *bьrаlа* - подвижная а.п. (рецессивный корень).

Наряду с суффиксами, перед которыми долгота или краткость конечного *-i* корней *-seṣ* зависит от класса последних

⁵ О различии акцентуации *potīnum activum et passivum*, впервые обнаруженном С.А.Старостиным в древнеиндийском, см.: [Николаев, Старостин 1982].

(эти суффиксы генетически тождественны греческим суффиксам II кл.), др.-инд. знает и суффиксы, при которых корни-*set*, независимо от класса, имеют краткое $\bar{y}(/-\bar{y})$. В частности, таким суффиксом является $-tra-$: *tárutra-* (RV) при $-tarítār$, $-tarítu$; *paúitra-* (V) при *paúitār*; *bhāvitra-* (V) при *bhāvítua-*; *bharitra-* при *bhárīma*. Соответствующий суффикс относится в греческом к I классу ($-tro-/-\bar{t}lo-$). Отсюда делается вывод, что противопоставление двух классов суффиксов, как и корней, восходит по крайней мере к греко-арийской эпохе.

Удлинение рефлекса ауслаутного $*\bar{e}$ в др.-индийских корнях II класса перед суффиксами II кл. аналогично удлинению греческих ауслаутных гласных корней CVCV II кл. в той же морфонологической позиции. Независимо от того, считаем ли мы греческие конечные $-a$, $-o$, $-e$ рефлексами единого и.-е. "шва" (ларингала), либо будем считать, что в индо-иранском $*\bar{e}$ совпали три и.-е. гласных ауслаута корней-*set*, представляется очевидным, что удлинение конечного вокалического элемента в корнях, находящихся в указанной морфонологической позиции, не возникло независимо в греческом и древнеиндийском (индо-иранском), а существовало по крайней мере на греко-арийском уровне (проекция этого явления на более глубокой уровень затруднительна из-за недостаточной изученности схожих итало-кельтских явлений). Для греко-арийской реконструкции алломорфов корней-*set* обоих классов важное значение имеет также различное поведение этих алломорфов перед суффиксами, мотивирующими полную и редуцированную (нулевую) ступени аблаута.

Выяснилось, что балто-славянские доминантные прикорневые суффиксы генетически соответствуют греко-арийским суффиксам I класса, а балто-славянские рецессивные прикорневые суффиксы – греко-арийским суффиксам II класса.

Богатый балто-славянский материал представляют образования со следующими суффиксами, принадлежащими в греко-арийском к I морфонологическому классу: $*\bar{t}o-$ существительных; $*\bar{t}lo/\bar{a}-$ и $*\bar{d}hlo/\bar{a}-$ (балт. $-kla/\bar{a}-$ восходит к $*\bar{t}lo/\bar{a}-$, тогда как слав. $*\bar{d}lo-$ – точнее, $*\bar{t}lo-$ – может восходить и к $*\bar{d}hlo$). В литовском литературном языке и в большинстве диалектов образования на $-ta-s$ (существительные) имеют непо-

движную (1-ю или 2-ю) а. п. Образования на *-ta-s* и *-kla-s*, *-kla* имеют регулярную неподвижную а. п. (переходы в подвижную а. п. являются редкими позднейшими случаями) независимо от балто-славянского класса корня: а) образования от доминантных корней: *káltas* 1 - лтш. *kaĩt*, слав. **koljŏ*, **koljĕte*; *sĭetas* 1 - слав. **sĕjŏ* 'просеивать'; *bũrtas* 1 - лтш. *buĩt*; *mĩltai* 1 - лтш. *maĩt*, слав. **meljŏ*, **meljĕte*; *spĕtas* 2 - лтш. *spĕt*, слав. **spĕjŏ*, **spĕjĕte*; *rũoŭtas* 1 - слав. **rĕzjŏ*, **rĕzjĕte*; *gũotas* 1/*guoŭtas* 2 - лтш. *gũt*; *váistas* 1 - слав. **vĕdati*; *gũklas* 2 - слав. [**zenŏ*], **gũnĭla*; *zĕnklas* 1 (>3) - лтш. *ra-zĩt*; *piũklas* 1 - лтш. *piũt*; *zĕkla* 1 - лтш. *zĕt*, слав. **sĕjŏ*, **sĕjĕte* 'сеять' и др.; 2) образования от рецессивных корней: *klŏtas* 2 - лтш. *klŏt*, слав. **klŏdŏ*, **kladĕtĕ*; *kĕltas* 1 - лтш. *ceĩt*; *bũtas* 2 - лтш. *bũt*, слав. **bŏlŭ*, **bŭlŭ*; *tvártas* 1 - лтш. *tveĩt*; *gaũbtas* 2 - слав. кауз. **gũbŏjŏ*, **gũbitĕ*; *graũztas* 2 - слав. **grŭjŏ*, **grŭzetĕ*; *-maltas* 2 - лтш. *maĩt*; *vũztas* 2 - слав. **vũrŏ*, **vũrzetĕ*; *árklas* 1 (>3) - лтш. *arĩt*, слав. **orjŏ*, **orjĕtĕ*; *dĕklas* 2 - лтш. *dĕt*, слав. **dĕjŏ*, **dĕjĕtĕ*; *gĕrklos* 1 - лтш. *dzeĩt*, слав. **zĕrŏ*, **zĕretĕ*; *staklŭ* 2 - лтш. *stŏt*, слав. **stŏjŏ*, **stajĕtĕ* и др.

В латышском языке подавляющее большинство образований на *-ta-* и *-kla/ā-* имеют вторичную (?) интонацию производящего глагола, и следы старого состояния видны лишь в формах с рефlekсами метатонии.

В славянском неподвижная а. п. (а. п. *a* или *b* в зависимости от интонации корня) надежно восстанавливается для образований на *-to* и *-ta* (существительных) и на *-dlo*. Для доказательств неподвижной а. п. некоторых образований м. р. на *-tŭ* (**moltŭ*, **nerstŭ*/**norstŭ*, **lektŭ*, **roktŭ*), имеющих рефlekсы подвижной а. п. с в большинстве славянских языков, приходится обращаться к показаниям некоторых диалектов (чакавских, лужицких, северо-западным русским), сохранивших особые рефlekсы праславянской акцентной кривой о-основ м. р. (см. подробнее в ч. II и III). Как в литовском, в славянском данные образования первоначально имели неподвижную а. п. независимо от класса корня.

Напротив, балто-славянские суффиксы, восходящие к тем же и.-е. морфемам, что и греко-арийские суффиксы II класса, являются рецессивными. Образования с ними выбирают свою а. п. в зависимости от класса глагольного корня (неподвижную от доминантных корней, подвижную от рецессивных). Наиболее показательны в этом отношении суффиксы **-ti-* (лит. *-ti-*, слав. *-тъ*) и **-men-* м. и ср. р. (лит. *-muo*, *-men-*, слав. *-my/-mę*, *-men-*), в греко-арийском относящиеся ко II классу.

В литовском, несмотря на продуктивную тенденцию к переводу существительных с *i*-основами из неподвижного типа в подвижный, нетрудно обнаружить существование старого распределения имен на *-ti-*, при котором неподвижную а. п. имеют образования от доминантных корней: *dētis* 1 - лтш. *dēt*; *piūtis* 1 - лтш. *pjūt*; *viltis* 1 - лтш. *vilt*; *kārtis* 1 - лтш. *kārt*; *sūtis* 1 - лтш. *sūt*, слав. **sīję*, **sījete*; *žiotis* 1 - слав. **zěję*, **zějūa* и т. д. Подвижную а. п. имеют образования от рецессивных корней (слова старой 3-й а. п. вторично перешли здесь в 4-ю): *būtis* 4 - лтш. *būt*, слав. **bŭtę*, **bŭtę*; *klotis* 4 - лтш. *klūt*, слав. **klādę*, **kladetę*; *mirtis* 4 - слав. **mĭrę*, **mĭretę*; *milztis* 4 - слав. **mĭlzo*, **mĭlzetę*, лтш. *milt*; *pa-dētis* 4 - лтш. *dēt*, слав. **dęję*, **dęjete* и т. д. Если имена на *-ti-* старой неподвижной а. п. имеют лишь вторичные подвижные варианты в диалектах и литературном литовском языке, то образования от рецессивных корней могут быть только подвижными. В славянском действовала доисторическая тенденция к переводу всех образований на *-тъ* в подвижную а. п., архаизмы неподвижной а. п. единичны.

Балто-славянские образования м. и ср. р. на *-men-* показывают старое распределение в славянском. Отглагольные имена на *-men-* а. п. а и б образованы от доминантных корней, тогда как образования а. п. с образованы от рецессивных корней: а) образования неподвижной а. п.: **pŏrmen-* (м. р.) - **pŏrję*, **pŏrjete*; **sęmę* - **sęję*, **sęjete* 'сеять', лтш. *sēt*; **pĭsmę* - **pĭsję*, **pĭsjete*, l-прич. **pĭsālę*; б) образования подвижной а. п.: **bĕrme* (с вариантом, возникшим в результате действия закона Хирта **bĕrmę*) - **bĕrę*, **beretę*; **strūmen-* (м. р.) - ср. греч. корень II класса *σρτjε-*; **vĕr(t)mę* -

**vbr̥tq*, **vbr̥tite* / **vbr̥tq*, **vbr̥tete*; **pōlmen*- м. и ср. р. - **pōl̥jq*, **pōl̥ti*. В литовском (по крайней мере в большинстве диалектов) все отглагольные имена на *-piō* имеют подвижную а. п. (3-ю или 4-ю в зависимости от корневой интонации).

Из балто-славянских образований, входящих в глагольную словоизменительную парадигму, морфонологически регулярно соответствуют греко-арийским суффиксам II класса суффиксы, восходящие к и.-е. *-*to-/-*tā-* (пассивные причастия, в греко-арийском - причастия/отглагольные прилагательные) и *-tu-* (балто-славянский супин, в греко-арийском - именные девербативы, супин). Морфонологически рецессивными являются также славянский аористный *-ǰ-* (корневого и дентального аориста) и *-e/o-* (тематического аориста), в греко-арийском относящиеся ко II классу.

В некоторых случаях балто-славянский имеет циркумфлексовую интонацию в слогах, где в нормальных условиях должен присутствовать акут (в позиции появления "соссюрковского" акута - на и.-е. долгих монофтонгах, и в позиции "беценбергеровского" акута - на балто-славянских рефлексах таутосиллабических последовательностей **VRə*). Оказывается, что метатония регулярна в балто-славянских образованиях от рецессивных корней с доминантными суффиксами *-*to-* (а также *-*sto-*) и *-*tlo-/-*tlā-* (эти суффиксы относятся к I классу в греко-арийском, см. выше).

Большое количество примеров на метатонию показывает литовский язык (ниже из соображения экономии места не приводятся имеющиеся параллельные формы без метатонии, в которых акут вторично возник по аналогии с инфинитивом и другими формами порождающего глагола):

Литовское образование	Литовский глагол	Славянский глагол	Латышский глагол
<i>dziāltas</i>	<i>džiāuti</i>		<i>zait</i>
<i>plālstas</i>	<i>plāusti</i>		<i>plāist</i>
<i>dōtas</i>	<i>dōti</i>	* <i>dājq</i>	<i>audt</i>
<i>grāļztas</i>	<i>grāužti</i>	* <i>grūzq</i>	<i>grāizt</i>
<i>-māltas</i>	<i>māuti</i>		<i>māit</i>

Литовское образование	Литовский глагол	Славянский глагол	Латышский глагол
<i>stōtas</i>	<i>stōti</i>	*stāʃq	<i>stāt</i>
<i>zōstas,</i> <i>pa-sēstas</i>	<i>sēsti</i>	*sādʃq	<i>sēst</i>
* <i>muo-dētas</i>	<i>dēti</i>	*dēʃq	<i>dēt</i>
<i>kliūtas</i>	<i>kliūti</i>		<i>kļaut</i>
<i>nařtas</i>	<i>nērti</i>	*nēʃq	
<i>plāūtas</i>	<i>plāuti</i>	*plōvq	
<i>klōstas</i>	<i>klōti</i>	*klādq	<i>klāt</i>
<i>pa-grēbstai</i>	<i>grēbti</i>	*grēbq	
<i>mōstas</i>	<i>mōti</i>	*māʃq	<i>māt</i>
<i>aikštas</i>	<i>aiŗti</i>		<i>aiŗt</i>
<i>ap-kaiŗstai</i>	<i>kaiŗti</i>	*kōvq	<i>kaiŗt</i>
<i>ŗtuōstas</i>	<i>ŗtuoti</i>		<i>ŗtuōt</i>
<i>pa-būklas</i>	<i>būti</i>	супин *būʃtь	<i>būt</i>
<i>pa-dēklas</i>	<i>dēti</i>	*dēʃq	<i>dēt</i>
<i>tiŗklas</i>			<i>tīt</i>

Соответствующие образования от доминантных корней, напротив, регулярно имеют корень без метатонии:

Литовское образование	Литовский глагол	Славянский глагол	Латышский глагол
<i>kāūtas</i>	<i>kāūti</i>	*kolʃq	
<i>ziētas</i>		*sēʃq	
<i>būŗtas</i>	<i>būŗti</i>		<i>būŗt</i>
<i>māŗtai</i>	<i>māŗti</i>	*meŗʃq	<i>māŗt</i>
<i>ŗuōŗtas</i>	<i>ŗēŗti</i>	*ŗēŗʃq	
<i>vāŗtas</i>	<i>vāŗti</i>		<i>vāŗt</i>
<i>ŗēnklas</i>	<i>pa-ŗinti</i>		<i>pa-ŗīt</i>
<i>aiŗklas</i>	<i>aiŗti</i>		<i>aiŗt</i>
<i>pa-vēŗklas</i>	<i>vēŗda</i>	*vāŗʃq	
<i>piūklas</i>	<i>piūti</i>		<i>pļaiŗt</i>
<i>ziōstas</i>	<i>ziōti</i>	*zēʃq	
<i>sēŗia</i>	<i>sēŗti</i>	*sēʃq	<i>sēŗt</i>

Метатония акут > циркумфлекс наблюдается также и в сла-

вянских образованиях на *-to-* (существительных) и *-dlo*. Здесь она проявляется в том, что формы на *-to-* и *-dlo* от речесивных корней с балто-славянским акцентом имеют окситонированную неподвижную а. п. (*b*) вместо ожидаемой баритонированной (*a*). Напротив, доминантные корни образуют эти формы с сохранением акцута (они имеют а. п. *ā*). Рассмотрим примеры образований на *-dlo*:

Имена на <i>-dlo</i>	Славянский глагол	Латышский глагол
Формы без метатонии		
*bīdlo	*bījq	
*dūdlo	*dūjq	
*mūdlo	*mūjq	
*rūdlo	*rūjq	
*sīdlo	*sījq	sūt
*tīrdlo	*tīrq	(trīt)
*mēdlo	*mēnq	mīt
*čūdlo	*čūjq	
Формы с метатонией		
*dēdlo	*dējq	dēt
*pēdlo	*pēnq	pēt
*stadlo	*stājq	stāt
*tīrdlo		tvērt
*verdlo	*vērq	viēt
*zēdlo		dzeīt
*zērdlo,	*zērq	dzeēt
*žerdlo		
*vidlo	*vījq	vīt
(/*vīdlo; -a)		
*bydlo	*būtq	būt
(/*būdlo)		
*zīdlo	*zīvq	dzīt
*pēdlo	*pējq	

Отклонения от указанного распределения редки и легко объяснимы – чаще всего они связаны с аналогическими выра-

вниваниями. В некоторых случаях (лит. *spētas* при лтш. *spēt*, слав. **spějq*) мы имеем дело с колебаниями корней между рецессивным и доминантным классами.

Балто-славянские образования на **tlo-*/**tliā-* и **to-* (**sto-*) от рецессивных корней имеют следующие особенности: а) для них характерно накоренное ударение и неподвижная (баритонированная) а. п.; в славянском ударение сместилось на слог вправо по правилу Дыбо-Иллич-Свитыча, чем объясняется вторичная славянская окситонеза (а. п. б); б) в корневой части этих образований происходит метатония акут > циркумфлекс. Так как иктус ставился в этих образованиях на корне, мы должны, исходя из принципа Дыбо, предполагать, что в них происходила мена морфонологической маркировки корневых морфем: морфемный "-" заменился на "+", иными словами, рецессивные корни становились в сочетании с перечисленными суффиксами (вторично)доминантными и, как следствие этого, орто-тоническими.

Однако имеются многочисленные балто-славянские доминантные морфемы, которые не меняют маркировки предшествующих рецессивных морфем и не вызывают в них метатонии акут > циркумфлекс. Оказывается, что все без исключения суффиксы подобного типа являются составными, первые компоненты которых, употребляясь отдельно, однозначно показывают свою принадлежность к рецессивному классу. С другой стороны, имеются омонимичные простые суффиксы, одни из которых относятся к доминантному, а другие - к рецессивному классу. Примером таких суффиксов могут служить **ko-* прилагательных и **ko-* существительных, **to-* причастий (он относится ко II классу в греко-арийском). Благодаря введению понятия "вторичная доминантность" объясняются такие непонятные до сих пор феномены, как сосуществование балто-славянского рецессивного суффикса **āko-* прилагательных (лит. *storókas*, *plonókas*, слав. **jākъ*, **tākъ* при **onākъ*, **īnakъ*) и доминантного суффикса **akō-* существительных, отличающегося от предыдущего не только маркировкой, но и метатонией акут > циркумфлекс в первом компоненте (лит. *paršičkas*, *paújðkas*, слав. **aurákъ*, **aurakà*). Компонент **ā-*, восходящий к основообразующему суффиксу,

имеет балто-славянскую рецессивность, ср. противопоставление *uodā, *uodā (подвижная а.п.) : *zenā, *zenā (неподвижная а. п.). Отсутствие метатонии в суффиксе прилагательных объясняется тем, что второй его компонент – рецессивное *-ko-*, тогда как присоединение к тому же *-ā-* доминантного *-ko-* мотивирует в первом метатонию и делает его вторично доминантным.

Различия и свойства первично- и вторичнодоминантных морфем можно представить следующим образом:

Свойство морфемы	Первично до- минантная морфема	Вторично до- минантная морфема
1. Меняет маркировку предшествующей рецессивной морфемы	да	нет
2. Вызывает в предшествующей морфеме метатонию акут > циркумфлекс	да	нет
3. Является ортотонической (ей "принадлежит" иктус)	да	да

Из приведенного выше анализа можно сделать следующие выводы.

Как в греко-арийском, так и в балто-славянском корни и суффиксы⁶ распределяются по двум акцентуационно-морфонологическим классам. В греко-арийском различие между двумя классами корней и суффиксов обнаруживается: а) в реализации исходного вида корней *-sej* в сочетании с прикорневыми суффиксами; б) в акцентуации имен, зависящей от морфонологического состава словоформы. В балтославянском различие между двумя классами корней и суффиксов акцентуационное, при первом приближении описываемое как противопоставление ортотонических

⁶ Выше речь шла в основном о греко-арийских глагольных корнях, но есть все основания думать, что поведение именных корней не отличалось от поведения глагольных: например, греческий корень *δору-* 'дерево' (II кл.) имеет регулярную "метатезу" в форме с суффиксом II кл.: *δρῦ-μῶ-ς*, ср. слав. *-dĕrvo* (а. п. С, рецессивный корень).

(морфонологически ударных) и морфонологически безударных морфем. Греко-арийские морфемы, относящиеся к I кл., восходят к тем же и.-е. праформам, что и балто-славянские доминантные морфемы, а греко-арийские морфемы II кл. тождественны балто-славянским рецессивным морфемам. Очевидно, что различие между этими двумя классами морфем имеет индоевропейское происхождение и как-то связано с просодическими характеристиками морфем.

Если мы обратимся к правилам постановки иктуса в словоформе, то обнаружим, что балто-славянские и греко-арийские правила не совпадают. В балто-славянском иктус ставится на первую доминантную морфему, в греко-арийском же место ударения в формах, не подвергшихся "морфологизации" (в которых место ударения заранее предопределено наличием того или иного суффикса), определяется совсем другими, известными, но пока еще не поддающимися интерпретации правилами. В любом случае мы не можем проецировать в индоевропейский ни балто-славянские, ни греко-арийские правила постановки иктуса. Естественно напрашивается предположение о том, что индоевропейские словоформы характеризовались различными просодическими контурами, которые как в балто-славянском, так и в греко-арийском отражаются в разноместном ударении, но ударение это ставилось в разном месте рефлексов тех же и.-е. словоформ в греко-арийском и балто-славянском⁷. Расстановкой иктуса нельзя объяснить и греко-арийские модификации корней-seŕ в различных сочетаниях с прикорневыми суффиксами.

Индоевропейские морфемы, как корневые, так и суффиксальные, были, видимо, противопоставлены по одному просодическому признаку. Наиболее вероятным является предположение о том, что индоевропейские морфемы I и II классов различались

⁷ Успех сравнения акцентуации производных имен, проведенного Иллич-Свитычем, определился в первую очередь тем, что сравнивались двухморфемные (не считая флексии) имена с рецессивными основообразующими суффиксами (-o-, -i-, -u-, -ter- и т. п.); такие образования с доминантными корнями нормально имеют греко-арийскую баритонезу и неподвижную а. п. в балтославянском, а образования с рецессивными корнями - греко-арийскую окситонезу и балто-славянскую неподвижную а. п.

тональными (регистровыми) характеристиками: возможно, морфемам I кл. был присущ высокий тон, а морфемам II класса – низкий тон, как из типологических соображений предполагает В.А.Дыбо. Тональные контуры, возникавшие в словоформах в результате сочетаний морфем с различными и одинаковыми тонами, отражались в виде греко-арийского разноместного ударения. Тональные контуры словоформ вызывали в конечном счете и различные модификации корней-сеґ. В балто-славянском рецессивные (предположительно, первоначально низкотональные) морфемы ведут себя как морфонологически безударные, а доминантные (предположительно, первоначально высокотональные) – как морфонологически ударные. Однако есть основания полагать, что и в балто-славянском основным различительным признаком двух классов морфем был тон.

Видимо, непосредственным отражением старых тонов, деформированных наложением другого просодического фактора, известного нам под названием балто-славянского акута, являются латышские "плавная" и "прерывистая" интонации⁸. Только тональные различия между доминантными и рецессивными морфемами могли быть причиной того, что: а) доминантные морфемы не знают метатонии акут > циркумфлекс; б) эта метатония не происходит и в рецессивных морфемах перед рецессивными; в) метатония происходит в рецессивных морфемах перед доминантными. Естественно предположить, что прямым отражением старого тона является "рецессивный акут" (в рецессивных морфемах перед рецессивными), а изменение "рецессивного акута" в циркумфлекс перед доминантной морфемой вызвано влиянием тона доминантной морфемы ($C \hat{V} C + C \underset{\downarrow}{V} C > C \tilde{V} C + C \underset{\downarrow}{V} C$). Отсюда следует вывод, что тональные различия существовали и между неаккутированными морфемами (например, тонами различались *-*to-* существительных, вызывающее метатонию, и *-*to-* причастий, рецессивная морфема, метатонии не вызывающая).

⁸ Предположение о том, что прерывистая интонация возникла в результате перетяжки иктуса с конечнударных слогов в формах подвижной а. п., наталкивается на необходимость объяснить большинство случаев поведения этой интонации в позициях, которые заведомо не могли быть ударными, как результат действия аналогических процессов – в особенности это касается многосложных слов.

Часть 2. АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПРАСЛАВЯНСКОМ

Одним из важнейших акцентологических признаков, разделяющим праславянские диалекты, является оттяжка на предшествующий слог ударения с долгих гласных и дифтонгов, на которых в праславянском находилось старое ударение "типа нового акута".

Наиболее характерными позициями, в которых выступают указанные выше оттяжки, являются:

а) презенс *i*-глаголов а.п. b_2 (т.е. каузативов и деноминативов, образованных рецессивным суффиксом $-i$ от основ с плюсовой маркировкой);

б) причастия на $-āi$ от глаголов с чередующейся основой (типа $*česāti : *česjǫ$), относящихся к а.п. b ;

в) loc. pl. на $*-ěxъ$ от имен а.п. b и d (последние в тех системах, где слова а.п. d имеют окситонированную парадигму);

г) nom.-acc. pl. на $*-ā$ существительных среднего рода

д) instr. pl. на $-ŭ$ от существительных а.п. b , d и в отдельных системах c , а также, вторично, instr. pl. на $-mī$, занимающий акцентуацию инструменталисов на $-ŭ$ (например, в галицком, у Ю. Крижанича и т.д.);

е) gen.-loc. du. на $*-ŭ$ существительных женского рода.

ж) acc. pl. на $-ŭ$ от u -основ, acc. pl. на $-ŭ / -ĕ$ от o -основ и nom.-acc. pl. на $-ŭ / -ĕ$ от $ā$ -основ.

В славянских языках встречаются 4 основных типа отражения первоначальной системы ударения. В 1-м типе оттяжка ударения происходит на любой предшествующий гласный. Во 2-м типе ударение оттягивается только на предшествующий краткий гласный. В 3-м типе, напротив, оттяжка происходит на долгий гласный, в случае же краткости предшествующего гласного ударение остается на прежнем месте. Архаичен 4-й тип, в котором в основном сохраняется праславянское состояние.

Надежно установлено следующее распределение этих типов по славянским диалектам:

1-й тип характерен для:

1) говоров "севернословенского акцентологического типа"

(некоторые кайкавские и севернословенские говоры);

2) северночакавских говоров типа Нови, Вргада.

Во многих центрально- и восточноболгарских, а также в части западноболгарских и торлакских (Константин Костенечский, Книга Царств Досифея) оттяжка на любой предшествующий слог первоначально происходила только со срединных долгих гласных и дифтонгических сочетаний (в презенсе *i*-глаголов а.п. *b₂*, в локативах на *-ѣтъ*), тогда как с конечных долгих в одних говорах (большинстве центрально- и восточноболгарских, в т.ч. в старотырновском, у Константина Костенечского) ударение первоначально оттягивалось только на предшествующий краткий, а в других, напротив, только на предшествующий долгий (например, в восточноболгарской "системе писца Гавриила"). Видимо, это говорит об ареальном характере срединных оттяжек, вторично проведенных в "праболгарских" говорах, исконно принадлежавших ко 2-му или 3-му типам. Ситуация, сходная с "системой Гавриила", характерна также для кайкавского говора Бедни. В чакавских диалектах типа Нови оттяжка ударения с конечных гласных, видимо, происходила на любые слоги. Характер конечной оттяжки в диалектах "севернословенского типа" неясен: она была перекрыта более поздней собственно словенской ретракцией ударения.

2-й тип характерен для:

1) значительной части западноболгарских говоров (ранняя фиксация — памятник XIV в. Ис. Сир.);

2) кривичских в своей основе западных, северо-западных и северных великорусских, северных и северо-восточных белорусских говоров (по последним мы имеем пока крайне мало материала), этот тип характерен для многих старорусских рукописей псковского, новгородского и ржевско-волоколамского происхождения;

3) галицкого диалекта украинского языка⁹ :

⁹ Галицким мы называем диалект, территориально ограниченный с востока р. Збручем, а на севере — густым пучком изоглосс, отделяющим днестровские говоры от волынских. В галицкий диалект целиком входят бойковские, верховинские, ужанские (восточнолемковские), боржавские, мараморошские, санские (надсянские), днестровские (надднестрянские), покутские, а также частично гуцульские и буковинские говоры.

3-й тип характерен для:

1) старохорватского диалекта, отраженного в акцентуированных текстах Ю. Крижанича;

2) некоторых южночакавских говоров (в частности, островов Брач и Хвар);

3) словенских и кайкавских говоров "южнословенского акцентологического типа" (в частности, к этому типу относится система литературного словенского языка, отраженная, например, в словаре М.Плетершника);

4) ильменско-словенских в своей основе севернорусских говоров — костромских, севернонижегородских, говоров района Белого озера;

5) центральных и южных белорусских (кроме загородских) и, видимо, правобережно-полесских украинских говоров (в основе которых лежали близкородственные племенные диалекты дреговичей и деревлян); этот тип характерен и для литературного белорусского языка;

6) кашубского (поморского) языка (наиболее ярко этот тип выражен в описанном К. Лоренцем словинцком диалекте).

4-й тип характерен для

1) восточных и юго-восточных говоров великорусского языка (основная часть владими́ро-поволжских говоров, кроме северной части нижегородской подгруппы, отделы Б и В восточных среднерусских акающих говоров, а также восточная часть рязанской группы говоров южного наречия). Этот тип характерен, с некоторыми оговорками, и для русского литературного языка;

2) большинства сербохорватских штокавских говоров.

Видимо, во всех диалектах 4-го типа происходила кратко-оттяжка, однако только с конечных долгих гласных, причем в строго ограниченных морфологических позициях: в ном.-асс. р. и ду. слов ср. р., в gen.-loc. ду. всех родов, а также, видимо, в ном.-асс. р. ā-основ. Такое распределение позиций оттяжки может говорить о ее заимствовании из диалектов 3-го типа.

Наиболее показательным является материал презенса i-глаголов.

Ниже приводится материал.

а. Краткосложные глаголы

1. *selīti: ср.-болг. сѣлѣть сѣ, болг. сѣля, "сев.-словен." Бедня sǎlim sa, вост.-штир. *sǎlim; ст.-шток. въсѣлит се (Сб. 1509 г.) ~ ст.-хорв. селѣм се (Гр. 230); ст.-русск. центр.-вост. преселѣши (Корм. 606а), новг. вселѣши сѣ (Новг. 32), вселѣтъ (Новг. 336), ю.-зап. (?) да вселѣт сѣ (Чуд. 120г), ѥ вселѣт сѣ (Чуд. 158а), вост.-русск. пьс'ел'ам (МАРЯ, Восток, вопр. 117, п. 744), русск. литер. поселѣб, поселѣм; словен. se preselí (Rad 93, с. 173). От *selǫ (а.п. ъ). 2. *plodīti: ср.-болг. плѣдитъ; ст.-русск. сев.-зап. въсплѣдитъ (Егор. 315б), центр.-ю. (?) расплѣдѣт сѣ (Хр. 1066); галицк. ТП plǫdyt' s'a; загор. Сим. 3 pl. плѣдѣт' ~ ст.-хорв. Плѣдим се, расплѣдим се (Гр. 223); ст.-русск. сев.-вост. приплѣдиши (Ион. 320б, 405б), русск. литер. плѣдится; ю.-чак. oplodīn (Н.-Š. 739); словен. plodīti, plodim (Plet. II, 62) с "сев.-словен." вариантом plōdīti, plōdim). От *plǫdъ, *plodū (а.п. ъ). 3. *kosīti 'косить косою': русск. диал. (вятск.) кѣс'ам (Бромлей-Булатова, с. 352); галицк. ТП kǫsyt'; загор. Сим. 3 pl. kǫc'em'; ~ ст.-хорв. Косѣм, Накосѣм (Гр. 239); словен. kositi, kosim (Plet. I, 441); ю.-чак. Брач kosīn, Хвар kosī (Н.-Š. 449); вост.-русск. (владимир. и др.) кошѣ, косѣм. От *kosǫ, асс. *kosǫ (а.п. ъ), и другие подобные глаголы (*ostriti, *pъstriti, *topliti, *rotiti, *krъstiti, *dvoriti, *dobriti, *dъzъiti, *tъšciti, *vъtoriti, *postiti, *kotiti, *zъlobiti, *goliti, *zъvedociti, *ropiti, *stъkliti).

Аналогичное различие в рефлексии показывает и ряд краткосложных девербатов, по-видимому, каузативов (в той степени, в какой они поддаются этимологизации) и глаголов, тип производности и первичная грамматическая семантика которых не установлена: 4. *tvorīti: ср.-болг. твѣрѣть, болг. под-, прѣстѣря; "сев.-словен." Бедня *stvērim; русск. диал. (вятск.) твѣрѣм, твѣрѣам (Бромлей-Булатова, с. 352); ст.-русск. сев.-зап. ствѣриши (Пролог 88а), ѥ твѣрѣи (Час. 208), зап. ствѣрѣи (Лет. 356), твѣрать (Лет. 326б),

твóрать (Лет. 3266), центр.-зап. твóрить (Цв. 56); галицк. ТП *tvóryt*; загор. Сим. 3 рl. *tvóre'm*; ст.-шток. твóриши (Ев.-апр. № 7364, 6а и т.д.), твóрить (Сб. 1509 г., 15, 41 и т.д.) ~ ст.-хорв. Творíм, Створíм (Гр. 239); словен. *storím* (Rad 93, с. 177-179), *tvoríti, tvorím* (Plet. II, 704); ст.-русск. новг. твóрить (Новг. 286), вост. сотворíть (Корм. 301а), да твóратъ (Корм. 304), творитè (Увар. 510, 511, 513, 543), сотворíть (Увар. 605), сотворитè (Ряз. 226, 676), притвóратъ (Ряз. 268), сев.-вост. сътворитè (Ион. 494); русск. литер. *творю, творím*; ю.-чак. Брач *stvorí se* (Н.-Š. 1107). 5. **ložiti*: ср.-болг. лóжить, полóжить, болг. лóжа; "сев.-словен." Бедня **rozlèžim*, сев.-чак. Нови *lòžī, paìžī* (Белич. С. 250), Вргада *lòžīs*; ст.-шток. полóжить (Ев.-апр. № 7364, 108а, 2606 и т.д.); ст.-русск. центр.-зап. да прелóжиши (Цв. 1106), не прилóжи (Цв. 1246), зап. възлóжа (Биб. 83), полóжӣ (Биб. 796), полóжа̄ (Биб. 786), сев.-зап. възлóжать (Печ. 416), прелóжить (Печ. 456), не прелóжит са (Печ. 294); галицк. ТП *polózyt* ~ ст.-хорв. Ложíм, Положíм (Гр. 225); словен. *položíti, položím* (Plet. II, 133) — однако и *lòžiti, lòžim* (Plet. I, 534) с "сев.-словен." ударением; ст.-русск. сев.-вост. приложíт са (Ион. 38, 4126), приложáт са (Ион. 1026, 4356), новг. да не приложíть (Новг. 386), вост. положáть (Ряз. 186), не приложíть (Ряз. 210), приложíть (Корм. 325), заложíть (Корм. 365), положíть (Увар. 8386); вост.-русск. (котельнич.) *положím* (Зеленин Ск., с. 59), русск. литер. *ложусь, ложитса*, а также другие глаголы (**voriti, *oriti, *glōtiti, *roniti, *doriti*).

Наряду с перечисленными выше имеются немногочисленные глаголы, как правило, итеративы, которые регулярно имеют "классический" рефлекс а.п. b (наосновное ударение) во всех рассмотренных диалектах. Сюда относятся: **voziti* (ср. **vèzq*), **goniti* (ср. **žènq*), **voditi* (ср. **vèdq*), **xoditi* (ср. ртс. **sèdlt*), **lomiti* (ср. лит. *leñti* 'судить, определять', диал. 'сгибать', *lìmti* 'ломаться'), **tomiti* (ср. словен. *ž-tèti se, -tánet se/-tmè se* 'gerinnen, coagulieren'), **nositi* (ср. **nèšq*), **prositi* (ср. лит. *pišti, peiša* 'сватать', *prašyti* 'просить'), **skočiti* (ср. герм. тематический **skexa-* в др.-в.-нем. *scēhan* 'vagarl', ср.-в.-нем.

schēhen 'schnell dahneilen'), а также **ženīti* и некоторые другие. Подробнее см. ОСА. С. 112-116.

б. Долгосложные глаголы

1. **bēlīti*: ср.-болг. ст.-тырн. бѣлѣть, болг. бѣля; "сев.-словен." Бедня *bjeilīti* (а.п. б) ~ галицк. ТП *b'ilyt'*; псков. *оалѣм* (ПОС 1. 161), 3 рл. *белѣ* (ПОС 1.161) ~ словен. *bēliti*, *bēlit*; ст.-хорв. Бѣлим, Побѣлим (Гр. 128) ~ вост.-русск. *оалѣм* (МАРЯ, Восток, вопр. 117, п. 570), *пообѣлѣм* (ib., п. 73). От **bēlě*, **bēlā*, **bēlō* (а.п.б).

2. **gnězdīti*: "сев.-словен." Бедня *gnjīezdāiti* (а.п. б) ~ зап.-болг. 3 sg. аог. ѡ вѣгнѣздѣи сѧ (Ис. Сир. 132б); ст.-русск. зап. вѣгнѣздѣѣт сѧ (Библ. 474б, 617, 979б); погнѣздѣѣт сѧ (ib., 617б); галицк. ТП *gn'izdyt' s'a* ~ ст.-хорв. Гнѣйдим се, Угнѣйдим се (Гр. 123); словен. *gněz-diti*, *gnězdim* ~ русск. литер. *гнездѣтся*. От **gnězdō* (а.п. б).

3. **kljūčīti*: ср.-болг. ст.-тырн. клѣчѣть; болг. за-, *вкљоча* ~ ст.-русск. сев.-зап. клѣчѣт сѧ (Пск. 85б), склѣчѣт сѧ (ib., 127), зап. склѣчѣт сѧ (Фер. 497); галицк. ТП *ukl'ucyt'* ~ ст.-хорв. Кљѣчѣим, Склѣчѣим (Гр. 144); словен. *kljūčiti*, *kljūčim* ~ русск. литер. *в-, за-кљѣчѣ-, -кљѣчѣт*. От **kljūčь*, **kljūčā* (а.п. б).

4. **palīti*: ср.-болг. ст.-тырн. пѣлѣть; болг. пѣля; сев.-чак. Нови *zarālīn* (Белич. С. 250) ~ ст.-русск. зап. попалѣть (Ржев. 164, 257б), запалѣть (Библ. 603), попалѣть (Биб. 472б); галицк. Чапли *palūt* ~ ст.-хорв. Пѣлим, Опѣлим (Гр. 129); словен. *pāliti*, *pālit*; ст.-русск. сев.-вост. попѣлѣи (Ион. 125), запѣлѣиши (ib., 32б) ~ ст.-русск. вост. запалѣть (Увар. 637б), запалѣт сѧ (ib., 682); русск. литер. архаич. *пѣлѣ*, *пѣлѣт*. Деноминатив от **pālь*, dat. sg. **pālōvi* (а.п. д) либо каузатив от **pālŋati*.

5. **xornīti*: ср.-болг. ст.-тырн. хрѣнитѣ; болг. хрѣня; сев.-чак. Нови *hrānīn* (Белич. с. 250) ~ сев.-русск. *хоронѣт* (МАРЯ, Север, вопр. 117, п. 347); галицк. ТП *xoronūt* ~ ст.-хорв. Хрѣним, Охрѣним (Гр. 134); словен. *hrāniti*, *hrānit*. От **xornā*, асс. **xornō* (а.п. б), а также другие глаголы (**sqditi*, **xuliti*, **ličiti*, **blazniti*, **krožiti*, **borniti*, **kuriti*, **piliti*, **kьrmiti*, **koltiti*, **žariti*, **qositi*, **blōditi*, **truditi*).

Каузативы и глаголы неясной грамматической семантики: 6. *stǫpǫiti: ср.-болг. стѣпнѣ; болг. стѣпя; "сев.-словен." Бедня *zastǫpǫiti* (а.п. б) ~ зап.-болг. 3 sg. аог. ѿстѣпнѣ (Ис. Сир. 966); ст.-русск. зап. достоупнѣ (Фер. 506), ѿстоупнѣ (ib., 538) ~ словен. *stǫpiti, stǫpim*; ст.-хорв. Стѹпим, Постѹпим (Гр. 115); ст.-русск. сев.-вост. да ѿстоупнѣ (Ион. 9), не пристѹпнѣши (ib., 4876) ~ ст.-русск. вост. престѹпнѣши (Звар. 432). 7. *krǫtǫiti: ст.-хорв. Крућим, Скрућим (Гр. 131); галицк. ТП *krutyǫmé* ~ вост.-русск. *крућим* (МАРЯ, Восток, passim), русск. литер. арханч. *кручѹ, крућим*. Каузатив от *krę(t)nǫti, а также другие глаголы (*torpiti, *sǫrditi, *vortiti) – подробнее см. ОА. С. 116–120.

Как и в группе краткосложных глаголов, имеет ся небольшое количество долгосложных глаголов, во всех рассматриваемых диалектных системах показывающих "классический" рефлекс а.п. б. Речь идет о следующих итеративах: *mǣšǫiti (ср. лит. *maišyti* 'мешать, перемешивать' и *mišiti* 'разбавлять, *смешивать'); *svǣtǫiti (ср. *svǣsti, *svǣtǫ с тем же значением); *služǫiti (ср. лит. *slaugyti* 'ухаживать, прислуживать' и диал. *slaužti*); *lǫbǫiti (видимо, старый итератив, ср. др.-инд. тематический глагол *lǫbhyati* 'любить'); *volčǫiti (ср. *velkti, *vǫlkǫ с тем же значением) и некоторые другие.

Для акцентного типа этой небольшой группы долгосложных и краткосложных глаголов введем обозначение а.п. б₁, сохранив объяснение его как результата преобразования колонной акцентной парадигмы с ударением на "тематическом" гласном –t– по закону Станга; который, судя по тождеству рефлексов во всех славянских языках, действовал еще в праславянский период. Акцентный тип глаголов, объединяемых представленной выше системой соответствий, в этом случае получит наименование а.п. б₂ и должен быть реконструирован как акцентный тип с колонным ударением на "тематическом" гласном –i–, избежавшем передвижки по закону Станга. Морфологические различия позиций действия закона Станга в i–глаголах очевидны: закон Станга действовал, по-видимому, исключительно в итеративах и не действовал в каузативах и деноминативах. Вероятно, должны были существовать какие-то просодические факторы, которые различали эти два типа "тематического" –i–. Не вдаваясь подро-

бно в проблематику, связанную с указанным различием, отметим здесь, что по характеру морфонологических отношений, отображающих акцентные валентности (см. гл. I), *-i*-итеративов должен получить маркировку (+), а каузативов и деноминативов — маркировку (-).

Наличие в диалектах, объединенных одинаковым типом отражения а.п. b_2 *i*-глаголов, ряда общих специфических акцентологических и сегментных морфонологических явлений позволяет предполагать, что группы диалектов, полученные путем такого объединения, отражают специфическое генетическое родство этих диалектов в некоторых диалектных общностях, которые существовали до объединения их в южнославянскую, западнославянскую и восточнославянскую общности.

В соответствии с типом отражения а.п. b_2 *i*-глаголов у нас намечились четыре группы, каждую из которых мы будем обозначать номером ее типа.

Праславянское состояние а.п. b_2 *i*-глаголов непосредственно отразилось в акцентных системах 4-й группы диалектов.

Ряд диалектов праславянского в определенный период претерпел преобразование по закону оттяжки ударения с долгого слога на предшествующий долгий ("долготная оттяжка"), получившему в ряде публикаций В.А.Дыбо наименование закона Ю. Крижанича, что привело к возникновению системы, отразившейся в акцентных системах 3-й группы диалектов.

Иной тип преобразования обнаруживается в группе 2, где не наблюдается результатов действия закона Крижанича, но действовал закон оттяжки ударения с долгого слога на предшествующий краткий ("краткостная оттяжка").

Наконец, в диалектной группе 1, по-видимому, совместились оба процесса ретракции с долгого слога как на долгий, так и на краткий предшествующий слоги. Это преобразование привело к системе, устранившей колонный тип с ударением на "тематическом" гласном *-i-*, но сохранившей параллелизм акцентных типов глаголов и имен, от которых они образованы.

Обе оттяжки имели, по-видимому, фонетический характер. Благодаря фонетическому характеру, они охватывали различные части системы языка, однако устойчивость вызванных ими морфонологических преобразований в тех или иных морфологических

категориях была не одинаковой в разных регионах славянской языковой области.

На генетическую связь диалектов, в которых представлен 2-й тип оттяжек, указывает следующий факт.

В западноболгарском тексте Ис. Сир. обнаружена система, в которой *i*-глаголы а.п. *b* имеют необычное ударение на тематическом гласном во 2-м л. ед. ч., например: ѿ ѿлажѣши са 45а ~ ѿлажѣит са 22а; любѣши 215б ~ лѡбѣит 9б; помѣши са 43б ~ мѡлѣит 98а и т.д. (см. Дыбо 1983, с. 3—14).

Следы аналогичной акцентной кривой в старорусских памятниках были отмечены А.А.Зализняком (Зализняк 1985, с. 359—360). Памятники с типом "молѣши" локализируются в западной и северо-западной части великорусской зоны и имеют отчетливые признаки принадлежности ко 2-й диалектной группе, а также примеры на сохранение "архаизма Илич-Свѣтыча" (см. ниже). В качестве иллюстрации можно привести следующий материал. Ржев.: поклѡниши са 73б, 138 ~ поклѡнат са 34б, 115б, да поклѡнѣ ти 101б, поклѡнат са 144б; разрѣшиши 13б ~ разрѣшиши 84. Час.: молиши 21б, молиши са 190 ~ мѡлѣи са 457б, не мѡлимъ та 402. Биб.: положиши 80, приложиши 405б ~ възложѣ 83, полѡжи 79б, полѡжѣ 78б, 385; не оуклѡниши 119б, 123 ~ оуклѡниши 119, поклѡнит са 119; йскоусѣши 330б ~ да йскоусѣит са 332; завлоудѣши 466б ~ влоудѣ 410б, провлоудѣ 81. Библ. (памятник западной или ближней юго-западной локализации): преклѡниши 486б, поклѡниши мѣ 671 ~ поклѡнѣ ти са 481, поклѡнит са 481. Егор.: хвалѣши са 228 ~ хвалѣит 16. В старорусских памятниках восточного и южного происхождения такие формы не отмечены (ударение в уникальном для системы Чуд. взлюбѣши 124а, возможно, является опiskeй); Острожская Библия (2-я пагинация, полная выборка с лл. II 54а—105а): твориши 50г, 57б, 85б ~ творѣит са 52в, творѣи 57б, творѣит 57б, потворѣит 80б и т.д. (как правило конечное ударение во всех формах презенса имеют лишь формы от сътворѣти); наслѣдиши 55а, 60г ~ наслѣдитъ 58б, наслѣдитѣ 88б, възслѣдатъ 89а (но наслѣдѣтъ 89б); погѣвиши 55б, да не погѣвиши 56б ~ погѣви 60а; потрѣдиши са 55в ~ трѣдат са 79в, оутрѣдит са 83в; възложѣши 55в, положиши 55г, да не положиши 56г, положѣши 83г, възложѣши 87а, не приложѣши

86а, не приложѣши| 87г ~ възлѣжитъ 57б, положитъ 58б, приложѣ 59а, възлѣжитъ 60г, не приложитъ 7е 71б, не приложитъ са 74в и т.д.; възлюбѣши 55в ~ любитъ| 55г, любитъ 57г; оуклонѣши са 57б ~ оуклонитъ са 74б, поклѣбнаѣ ти са 85б, не оуклонитъ са 103а; дажѣ са не помолиши 59б, да молиши са 82а ~ молаѣ са 65г, помолитъ са 66б bis, молитъ са 85а, помолѣ са| 85б; не оуловиши 62б ~ ловитъ 62б, ловитъ са| 57б, ловать 101б; накормѣши 63а ~ кормитъ 101в; насадиши 76г bis, 93г ~ насадиати 93а, ни насадиати 83б, пресадитъ са 101в; похулиши 86в ~ хулитъ са 88а; волиши 100в ~ не изболитъ 73б. Как видно из приведенных примеров, формы на *-иши* образуют а) краткосложные глаголы праслав. а.п. b_2 (ложити, клонити, творити, волити и т.д.); б) вторично перешедшие в неподвижный акцентный тип праславянские глаголы а.п. с и долгосложные глаголы а.п. b_2 (садити, ловити, слѣдити, кормити, трудити и др.). Глаголы а.п. b_1 и а.п. а, как правило, не образуют таких форм, ср.: възвѣдиши 52б, ѣзвѣдиши 52б; ѡсѣдиши| 55б; хѡдиши 57в, 57г (однако ни хѡдиши 101а); гѡниши 57а, 62б; оумножиши 94б.

Тип "*молиши*" не обнаруживается в явном виде в современных западноукраинских говорах, однако в прежнее время он, несомненно, был им свойствен (ударение на тематическом гласном обнаруживается здесь не только в формах 2 sg. praes. на *-ши*, но и в 2 pl. praes. на *-те*). Можно привести материал из украинской рукописи XVII в. Измарагд, акцентуация которой и в других отношениях северно-галицкая: твѡри 4б, 8б, твѡри 7б, 15, да твѡри 11, твѡри 12, 13б, 14, да...твѡри 15, аще бѡ...твѡри 15, сътвори 15б, твѡри 16, 17б, 26б, твѡри 22б, сътвори 23, не твѡри 26б, твѡри 26б (при двух исключениях: творить 8 и сътвори 15б — видимо, акцентологические русизмы), однако: твориши 8, 13 bis, 28б, сътвори 9, не твори 11б, сътвори 18, (приведенные формы на *-те* являются презентными, а не императивными); варианты с накоренным ударением: творите 11б, 13б, ни сътворите 20б, Твориши 21; ср. также избавиши 2б при избави 29, погжиши 10 при погжи 12, погжи 17 и т.д.

Судьба а.п. d

Одной из важнейших особенностей, отличавшей позднеславянские диалекты, являются рефлексы а.п. d существительных о- и и-основ. В отличие от "классических" а.п. a (баритонированной, с фиксированным старым акутом на корневом гласном), а.п. b (с ударением, первоначально во всех формах падавшим на 1-й слог окончания) и а.п. c (с чередованием ортотонических и энклиноменных форм в зависимости от акцентологической маркировки окончаний), акцентная кривая слов а.п. d является аномальной: в ней энклиномен представлен в пом. и асс. sg. (т.е. корень ведет здесь себя как имеющий минусовую маркировку, характерную для корней а.п. c), тогда как все остальные формы имеют окситонезу (здесь эти корни ведут себя как плюсовые, принадлежащие к а.п. b).

Существование особой "смешанной" а.п. (лишь в о-основах м. р.), которая позднее была названа а.п. d [см. Булатова-Дыбо-Николаев 1988], было установлено В. М. Иллич-Свитычем (Иллич-Свитыч 1963. С. 118—119). Внешнее сравнение показало, что а.п. c имеют существительные с греко-арийскими и германскими окситонированными соответствиями. В литовском во всех диалектах эти существительные имеют 3-ю или 4-ю (подвижные) а.п. Подавляющее большинство существительных мужского рода с о-основами, имеющих в праславянском а.п. b, в древности принадлежало к среднему роду. В литовском, как правило, в подавляющем большинстве диалектов устойчиво сохраняется 2-я (неподвижная) а.п. этих существительных. В то же время и.-е. баритонированные существительные м. р. с о-основой соответствуют славянским существительным а.п. d (в терминах Иллич-Свитыча — смешанной а.п.), см. Иллич-Свитыч 1963. С. 30—42, 109—119, 154. В литовском генетически тождественные слова по большей части имеют диалектные колебания между 2-й и 4-й а.п., причем материал, приводимый Иллич-Свитычем в его книге, может быть соотнесен с приложенной к ней "Картой-указателем литовских населенных пунктов". Оказывается, что следующие литовские говоры имеют в основном 2-ю (неподвижную) а.п. у слов, соответствующих славянской а.п. d: 1) Говоры западной Литвы, восточная граница которых тянется приблизительно от истоков Бартувы к

ющуюся от а.п. *b* и *c*, акцентную парадигму при сохранении в том или ином виде следов энклитичности поп.-асс. *sg.* в следующих диалектах:

1) В *галицком* украинском. Односложные основы имеют здесь окситонированную а.п. в ед. ч. (во мн. ч. первоначальная окситонеза частично исчезла вследствие оттяжек ударения с долготных окончаний на краткостный слог корня, см. [Дыбо-Николаев 1989, Николаев 1990а]). Баритонированную а.п. с ударением в ед. ч. на 1-м слоге, тождественную рефлексу а.п. *c*, имеют старые и новые (полногласные) двусложные корни.

2) В *кривичских* по происхождению великорусских и белорусских говорах.

3) В *чакавских* говорах типа Суска, Сали, Истрии: здесь сохраняется интонационное противопоставление всех четырех а.п., например Сусак *lŭk, lŭka* < **lŭkъ, *lŭka*; *rŭp, rŭrd* < **rŭrъ, *rŭrа*; *bъdъ, bŭdа* < **bŭgъ, *bŭga*; *bъdъk, bŭkа* < **bŭkъ, *bŭkа*.

4) В *штокавских* говорах, относящихся к следующим группам: шумадийско-воеводинская, косово-ресавская, зета-ловченская (а также к некоторым переходным говорам, находящимся на границе этих групп с вост.-герцеговинскими). В этих говорах также наблюдаются реликты "смешанной" парадигмы.

5) В *западно- и центральноболгарских* говорах. Видимо, старую акцентную кривую а.п. *d* сохраняли староболгарские говоры центральной зоны – например, диалект памятника XIV в. Ис. Сир. (см. [Булатова-Дыбо-Николаев. С. 52]). В современных говорах северо-западной Болгарии (например, в ломском), а также (не столь регулярно в виду его смешанного характера) в болгарском литературном языке членные формы ед. ч. от краткосложных существительных а.п. *d* являются баритонированными, как и от существительных а.п. *a* и *b* любого морфонологического вида (например, *rŭgъt, bŭdъt* а.п. *d* как *пdъt, kdъt, блъtъt* а.п. *b*, *мdъt, хлdъt* а.п. *a*), а членные формы от долгосложных существительных а.п. *d* частью баритонированные, частью окситонированные (*бесъt, брегъt*, но *лiстъt, млtъt*). Так же ведет себя в указанных говорах а.п. *b*. Членные формы от существительных а.п. *c* всегда окситонированы (*даръt, медъt, долъt, родъt, синъt* и т.д.).

6) В юго-восточных полесских (белорусских и украинских) говорах, расположенных по течению Припяти, а также в междуречье Днепра и Десны и по течению р. Сож. Кроме хорошей сохранности окситонезы ед. ч. слов а. п. *d*, для этих говоров характерна оттяжка в loc. sg. краткосложных *o/u*-основ (*stól*, gen. *stólá* - loc. *stól'i*), а также развитие **é* > *o* перед *-u* (*x'l'ow/x'l'uw*, *zrováti*, *p'buen'*).

7) В *верхнелужицком* языке рефлексы окситонезы обнаруживаются в некоторых существительных а.п. *d* с корнями вида *ToRT/TeRT* (см. Дыбо 1963).

8) Значительные следы окситонезы в рефлексах а. п. *d* обнаруживаются в *великопольских* (напр., сважендзский) и юго-западных *чешских* (например, доудлебский).

Имеются еще системы, в которых акцентная кривая а.п. *d* сохраняется (как правило, в виде окситонезы косвенных падежей ед. ч.) лишь в определенных морфологических типах, а в прочих случаях слова а.п. *d* ведут себя как слова а.п. с.

1. *Подольская* система. Представлена в подольских украинских говорах, где окситонезу регулярно имеют лишь существительные с *u*-основами, а также с корнями вида *Tь/ьRT*.

2. *Полесская* система. Представлена в южных белорусских говорах, возникших на основе племенного диалекта *дреговичей* (эту систему, с некоторыми отклонениями, имеет *литературный белорусский язык*), в украинских и белорусских полесских говорах, сформировавшихся на основе племенных диалектов *древлян* и *вольчан*, а также в *малопольском* диалекте. Эту же систему имеют большинство южнорусских (*вятичских* в основе) и севернорусских (в основе *ильменско-словенских*) говоров. В говорах с полесской системой окситонезу в ед. ч. имеют все или некоторые существительные а.п. *d* с корнями *Tь/ьRT* (**sbgrь*, **ubgrь*, **gbgrь* и т.д.).

3. В *восточнобелорусских* говорах (в том числе в литературном русском), имеющих "древневосточную" диалектную основу (см. подробнее [Николаев 1988. С. 140-141, Дыбо-Николаев 1989]). В этой системе окситонеза, как правило, присутствует у односложных существительных только во всех падежах множественного числа (слова а.п. *b* имеют окситонезу косвенных падежей и в ед. ч.), реже окситонеза сохраняется в

ед. ч., тогда как корни со старой и новой двусложностью (полногласием) имеют акцентную кривую, тождественную рефлексам а.п. с.

4. В *восточногерцеговинском штокавском* (в том числе и в *литературном сербохорватском* языке) и некоторых славонских говорах (Ю.Бараня) в ед. ч. а. п. *d* отражается в основном как а. п. с, однако имеется ряд слов, сохраняющих "смешанную" а. п. (*stǫg*, gen. *stǫga*). Долгосложные *u*-основы а. п. *d* как правило сохраняют окситонезу им. и вин. п. мн. ч. (например, *lǐst*, gen. *lǐsta*, pl. *lǐstovi* при *brǐjeg*, gen. *brǐjega*, pl. *brǐgovi*).

5. В некоторых чакавских и юго-западных кайкавских говорах (Сень, девинский, Озаль, Пригорье) а.п. *d* отражается как "смешанная" а. п. в основном в краткосложных основах (Пригорье *bǫg*, gen. *bǫga*; *mǫst*, gen. *mǫsta*). Примерно тот же набор слов отражен в виде рефлекса а. п. *b* в некоторых славонских (например, говор г. Брода) и среднесловацких говорах (липтовские, оравские).

6. В *словенском литературном* языке и близких к нему диалектах, а также в некоторых кайкавских диалектах слова а. п. *d* часто отражаются как слова а. п. *b*, особенно часто это отмечается в краткосложных *u*-основах.

В большинстве чакавских (Црес, Нови, Кали, Вргада, Брач, Хвар и Вис), кайкавских (Бедня, Загорье, Турополье), вост.-болгарских, среднечешских, моравских и западнословацких и поморских говоров рефлексы а. п. *d* как правило совпадают с рефлексами а. п. с.

Как было сказано выше, сохранение окситонезы существительных а.п. *d* характерно для великорусских и белорусских говоров, восходящих к кривичскому племенному диалекту. На территории Белоруссии окситонеза этих слов характерна для всех говоров, относящихся к западному, полоцкому и смоленскому территориальным его вариантам (см. [Николаев 1989а]).

Важной архаичной особенностью некоторых "кривичских" систем, сближающих их с чакавскими системами типа Истрии и Суска, является сохранение непосредственных рефлексов "смешанной" акцентной кривой в существительных а.п. *d* со старой и новой (полногласной) двусложностью корня: средне-

и южнопсковских, полоцких и заонежских говорах сохраняется парадигма, непосредственно отражающая праславянское состояние: псков. и полоцк. *мо́лот* : *мо́лота́*, псков. *о́ров* : *орова́*, полоцк. *по́лаз* : *палаза́*, заонеж. *о́рег* : *берега́*, *в́ерес* : *вересу́*, *стброж* : *сторожа́* (см. материал ниже). В севернопсковском (реже в среднепсковском и южнопсковском) эти слова имеют выравненное ударение с окситонезой в пом.-асс. sg., полностью уподобившись словам а.п. *b* (*норобст*, *терём*, *волос*, *вечор*, *веред*, *верес*, *ворот*), причем в дальнейшем эта система получает тенденцию к унификации ударения на втором слоге (типа *вечор* : *вечора́*); наиболее полно эта тенденция осуществилась в родственных севернопсковским говорам севера Новгородской обл. и южного Обонежья.

Например: 1. **bērgā*, **bergā*: псков. instr. *биряго́м* (Осовик Нев., ПОС 1. 173) — ср. *на...о́ре҃҃҃҃҃҃҃* (Мисники Нев., ПОС 2. 221), *беряго́м* (Фетинино Н.-Сок., ПОС 1. 173) — ср. *о́рег* (Козлово Н.-Сок., ПОС 1. 173); заонеж. *на берѐг* (Челмухи Медвежегорск. КАССР, СРГК), заонеж. Береж. *б'ёр'ег*, ген. *б'ёр'ага* (< **oδ* *o'ep'egā* в результате "ляпанья"), сев.-зап. *бер'ок* (С.-З. 1); олон. с *берега́* (Колосов 1877); ср. еще к *верег'а* (Аввакум 235); сев.-чак. Истрия *brēg*, *brēgā*, loc. sg. *brēgè* (Нем., 372, 374); русск. литер. *о́рег*, *о́рега*, pl. (старое du.) *берега́* (отражает окситонированное **bergā* — в а.п. с было бы **bērga*); сев.-чак. Сусак *br'ig*, loc. sg. *на br'ig'it* (ННГ); зап.-болг. Лом *брек*, *орѐга* (СОНУ 38. 32–33), Дмит. чл. ф. *брѐг'ит/брѐг'ит* (ТБД 12. 51) при словен. *brēg*, *brēga*; чеш. *br'eh*; словц. *br'eh*; белор. литер. *о́ераг*, *о́ерага*; укр. литер. *о́рег*, *о́рега*; схрв. *брѐг*, *брѐга*. 2. **bōkā*, **bokā*: псков. *пад бако́м* (Без., Пушкин., ПОС 2. 80), *п'ад бако́м* (Локн., ПОС 2. 80), *в бакѐ* (Сер., ПОС 2. 80); белор. полоцк. Ворняны **бок* (окситонированная а.п. — см. Sm., табл. 12); заонеж. Селецк. ген. *бока́*, instr. *о́жко́м*, Фоймогуба *о́жко́м*; сев.-чак: Сусак *b'ōk*, *b'ōkā* (ННГ, 106); ю.-вост. белор. Залесье *бок*, *бакá/б'о́ку*, *пад бако́м/пад б'о́кат*; укр. гал. Бринь *b'ik*, loc. sg. *и бос'і*, Коб. *bik*, *и бос'і*, Тур. *b'ik*, *и бос'і*, Неб. *b'ik*, *и бос'і*; также укр. подольск. Рыж. *bik*, *bokú*, *bokóu*; русск. литер. *оок*, *о́ока*, pl. (старое du.) *оока́*; рефлекс окситонезы в словен. *bōk*, *b'ōka* — при словц.

bok, чеш. bok, ю.-чак. БХВ *bōk*, *bōka*; схрв. *očk*, *očka*; укр. литер. *бiк*, *бiку*; белор. литер. *оок*, *оока*; укр. подольск. Бан. *bik*, *bōku*, днестр. *b'ik*, *bōku*. 3. **oδruъ*, **oδruā*: псков. *ад барава́* (Федорково Оп., ПОС 4. 108), ген. *барава́* (Оп., ПОС 6. 42), *барава́* (Остр., ПОС 6. 49), dat. *оъраву́* (Пушк., ПОС 5. 134), *барава́у* (Пуст., ПОС 6. 152), ср. *обрьф* (Макушино Оп., ПОС 6.152), *обраф* (Пуст. Лосно, ПОС 3.153), *обрьф* (Остр., ПОС 5. 178) — при ю.-чак. БХВ *brōu*, *brōua*; словц., чеш. *brav*; словен. *brāu*; схрв. *brāv*, *brāva*. 3 **oδlnъ*, **oδlnā*: псков. *ис челма́* (Печ., ПОС 6. 100), *на цолне́* (Сер., ПОС 4. 175); укр. галицк. Ясень *соуѣп*, *на соул'і*, Бринь, Крылос *соуѣп*, *соул'а*, Косм., Новос., Пер., Яр., ШЛ, Неб. *соуѣп*, *соул'а*, Тис. *соуѣп*, *соул'а*, укр. подольск. Днестр. *соуѣп*, *соуѣп'а*; русск. литер. *чѣлм*, *челма́*, рл. *челма́*; болг. литер. *члм*, *члмът* — при словц. *oδn*; чеш. *oδln*; словен. *oδln*; укр. литер. *чбвен*, *чбвна/човна́*; белор. литер. *чбвен*, *чбвна*; схрв. *oδn*, *oδna*. 4. **molitъ*, **molitā*: белор. полоцк. *мóлот*, *-мóл* (Мат. Б. 11 Новоалекс., 23 Минск.), **мóлат*, **малатóм*, *мала-тý*, *малатé* (Мат. Б. 31 Вилейск. — приводятся по: Карский 1. 428); псков. instr. *мьлатóм* (Сл., ПОС 2. 15 — ср. *мóлът* Гд., ПОС 2. 23), ном. *малóт* (С.-З. 4). Ср. в.-луж. стар. *mlót*, *mlóta* (Дыбо 1963. С. 78); также посавск. *mlát*, *mlátom* (Brlić 327, 312 — приводится по Ivšić. С. 98); болг. литер. *млат*, *млатът* — при чеш., словц. *mlat*; ю.-чак. БХВ *mlōt*, **mlōta*; словен. *mlāt*; укр. литер. *мóлот*, *мóлота*; белор. литер. *мóлат*, *мóлата*; схрв. *mlāt*, *mlāta*. Ср. **molitīti*, **molitjē* (а. п. б₂). 5. **rjadъ*, **rjadu*, **rjadovi*: псков. *три рядá* (Пуст., ПОС 2. 209), adv. *рядóм* (Кач., ПОС 2. 32); белор. полоцк. Пот., Ворняны **рад* (окситонированная а. п. — Sm., табл. 10); за-онеж. Выроз. *р'адóм*, Космоз. *р'адóм*; укр. галицк. Пер. *r'ad*, *r'ad'í*, Неб. *r'ed*, *r'edá*, Бринь *r'et*, *r'idá/r'id'í*, Коб. *r'ed*, *r'edá*, Ясень *r'ed*, *r'ed'í*, укр. подольск. Днестр. *r'ad*, *r'ad'í/r'ád'í*, Бан. *r'ed*, *r'ed'í/r'edá*, Рыж. *rad*, *radóm*, лос. sg. *на rad'í* (но ген. *rád'í*); зап.-болг. Малеш. *ред*, *редо* (МДА), Разл. чл. ф. *редо* (СБНУ 48. 363); русск. литер. *ряд*, *ряда*, рл. *ряды́*; рефлекс окситонезы также в словц. *riad* 'посуда' (при *rad* 'ряд'); чеш. *řád* 'правило, распорядок, разряд' (наряду с *řad* 'ряд'); польск. *rząd*, *rządu* (наряду с

rzedu) — при ю.-чак. БХВ *rĕd*, *rĕda*; словен. *rĕd*, *rĕda/redil*; схрв. *rĕd*, *rĕda*; укр. литер. *рѣд*, *рѣду*; белор. литер. *рад*, *рада*. Ср. **rĕditi*, **rĕdjŏ* (а. п. *b*₂). 6. **rĕdĕ*, **rogā*: белор. полоцк. Пот. *рох*, *рѣhá* (Sm., 52); зап.-русск. Дубр. *рѣк*, gen. *ragá*; заонеж. Волкос. *рѣбѣм*, Фоймогуба *рѣбѣм*; укр. галицк. Бринь *р'іу*, *ро́га*, Крылос *р'іи*, *ро́га*, Яр. *р'іу*, *ро́га/рѣга*; сев.-чак. Сусак *р'ѣѣ*, *рѣѣ* (ННГ, 106), Истрия *róg*, instr. pl. *rogí* (Nem., 371); ю.-вост. белор. Залесье *роу*, *ра́га/рѣга*; ру́сск. литер. *рог*, *ро́га*, pl. (старое ду.) *рѣга*; болг. литер. *рог*, *рѣгѣт/рогѣт*; зап.-болг. Малеш. *рог*, *ро́го* (МДА), Г. Дж. *рог*, *ро́го* (ИССФ 1. 186), Кюст. *рог*, *ро́го* (ТБД 1. 65), Боб. *рог*, *ро́го* (СОНУ 42. 20), Добр. *рог*, *ро́го* (БД 2. 48) — при ю.-чак. БХВ *рог*, *рѣга*; словен. *rŏg*, *rŏga/rogā*; словц., чеш. *roh*; укр. литер. *риг*, *ро́га/рѣгу*; белор. литер. *рог*, *ро́га* 'рог' (при *рог*, *раѣá* 'угол' с "кривичской" (?) акцентровкой); схрв. *рѣг*, *рѣга*; укр. подольск. Днестр. *р'іи*, *рѣга*, Бан. *рих*, *ро́га*, Рыж. *риу*, *ро́га*. Ср. лит. *rāgas* 2 > 4 (Иллич-Свитыч. С. 117). 7. **stĕgĕ*, **stogā*: белор. полоцк. Пот. *стох*, *стѣhá* (Sm., 49), Ворняны **стог* (окситонированная а.п. — Sm., табл. 1); белорусский диалектный материал см. в [Николаев 1989а]; заонеж. Выроз. gen. *стогá*, Космос. к *стогý*, *стѣбѣм*; укр. галицк. Коб. *стиу*, *сто́га*, Тис. *ст'іу*, *сто́гу*, Яр. *ст'іу*, *сто́га*, ШЛ *стѣу*, *сто́га*, Новос. *стиу*, *сто́га*, Брод *ст'іу*, *сто́га*, Худ. *ст'іу*, *сто́гу* (но баритонеза ед. ч. в Чап., Сем.); ю.-вост. белор. Залесье *стоу*, *ста́га*; рефлекс окситонезы также в словен. *stŏg*, *stŏga*; в схрв. *stŏg*, *stŏga* — редчайшее непосредственное отражение "смешанной" а.п. (видимо, акцентный диалектизм); сев.-чак. Истрия *stóg*, loc. pl. *stogéh/stogèh* (Nem., 370, 371) — при чеш., словц. *stoh*; ю.-чак. Врач *stŏg*, *stŏga*; укр. литер. *стиг*, *стѣгу*; белор. литер. *стог*, *стѣга*; укр. подольск. Бан. *стиу*, *стѣгу*, Днестр. *ст'іи*, *стѣга*, Рыж. *стиу*, *стѣгот*. 8. **sĕgrĕ*, **sĕgrā*: псков. *сѣрѣн* (1'д., ПОС 2. 153), *ам сирпá* (Оп., ПОС 3. 144), *сѣрпá* (ВЛ, ПОС 5. 73), *сѣрпѣм* (Порх., ПОС 3. 39; Дн., 5. 92; Н.-Рж., 6. 160), *сѣрпѣм* (Тор., ПОС 4. 126; Пуст., 5. 43); зап.-русск. Дубр. *s'er'p*, *s'er'pŏm*; заонеж. Выроз. gen. *s'er'ná*, Волкос. gen. *s'er'ná*, instr. *s'erpŏm*, В.Нива gen. *s'er'ná*; укр. галицк. ШЛ *serp*, *serpŏm*,

Косм. *serp, serpa*, Новос. *serp, serpa, serpóm / /serpom*, Сем. *särp, särpá/särpa*, Миж. *serp, syróm*, Тур. *serp, serpa / /serpa*; укр. подольск. Днестр. *ser'p, ser'pa*, Бан. *särp, särpá*, Рыж. *serp, serpa*; русск. литер. *серп, серпá*, pl. *серпá*; болг. литер. *сърп, сърпът*; зап.-болг. Добр. *срп, српно* (БД 2. 48), Годеч чл. ф. *сърпно* (ТБД Ю. 55), Дмит. чл. ф. *сърпът* (ТБД 12. 44), Малеш. *срп, српно* (МДА), Боб. *срп, српно* (СБНУ 42. 20), Разл. *сърп, српно* (СБНУ 48. 462, 445); укр. литер. *серп, серпá*; белор. литер. *серп, сярпá*; ю.-вост. белор. Залесье *s'erp, s'irpa* — при словен. *sřp*; схрв. *срп, српа*; словц. *srp*. 8. **вѣсѣръ, *вѣсѣра*: псков. асс. *вѣчѣр* (Стр., ПОС 3. 132), *на вичѣру* (Печ., ПОС 3.132), adv. *вичарѣ* (Пск., ПОС 3.135), loc. *в вичарѣ* (Остр., ПОС 3.45); укр. галицк. adv. Яр., ШЛ, Брод *вѣсѣрѣт*, Пер. *вѣсѣрѣт*, Новос. *вѣсѣрѣт/вѣсѣрет*, Чап. *вѣсѣрѣт*, Гдеш. *вѣсѣрѣт*; ю.-вост. белор. Залесье *v'esarót* — при словен. *вѣсѣр*; укр. литер. *вѣчѣр, вѣчѣра*; белор. литер. *вѣчар, вѣчара*; схрв. *вѣчѣр, вѣчѣра*. Ср. лит. *vākaras 1 > 3b* (Иллич-Свитыч. С. 114). 9. **вѣдзь, *вѣдзá*: псков. *вѣдзá два* (ВЛ, ПОС 4.85); белор. полоцк. **воз, *вѣдзá* (см. [Николаев 1989а]); заонеж. Выроз. с *вѣдзѣм*; укр. галицк. Сем. *v'iz, vѣдзá/vѣдза*, Тур. *v'iz, vѣдза/vѣдзá* сев.-чак. Истрия *vѣдз, instr. vѣдзѣн* (Nem., 371); ю.-вост. белор. Залесье *voz, vѣдзá*; русск. литер. *воз, вѣдза*, pl. *вѣдзы*; возможно, окситонеза отражена в чеш. *vāz, voza* — при словен. *vѣдз, vѣдзá*; схрв. *вѣдз, вѣдза*; словц. *voz*; белор. литер. *воз, вѣдза*; укр. литер. *виз, вѣдза*; укр. подольск. Бан. *v'iz, vѣдза/vѣдзи*, Днестр., Рыж. *v'iz, vѣдзá*. Словами а. п. *d* являются также **гѣръбъ, *кѣрѣбъ, *моркѣ, *норстѣ, *нерстѣ, *рѣдѣ, *уоготѣ* и многие другие.

В отличие от существительных а.п. *d*, слова а.п. *s*, как правило, не имеют в "кривичских", галицких и прочих говорах окситонированных форм ед. ч. (кроме "надпарадигматических" форм типа loc. на *-u*), а в западноболгарских имеют окситонированные членные формы. К а.п. *s* относятся, в частности **домъ, *сѣртѣ, *годѣ, *лѣсъ, *медѣ, *мирѣ, *звѣтѣ, *зупѣ*.

Представленные материалы позволяют уже на данном этапе исследования сделать выводы, говорящие о связи рассмотренных группировок диалектов с первоначальным диалектным членением

праславянского языка.

Наиболее дробное разбиение (на 4 группы) дает материал по деноминативным и каузативным *i*-глаголам или, в более широком плане, по отношению выделяемых диалектных групп к законам "долготной" и "краткостной" оттяжек.

Введение других изоглосс (тип "*молиши*", сохранение особых рефлексов а.п. *d* во всех основах, энклитичность именных форм с несокращающимися флексиями типа **-ѣтъ masculina*, а.п. *b* глаголов **berq*, **zouq* и т.д.) отчетливо выделяет 2-ю группу диалектов. Диалекты, относящиеся к этой группе, в настоящее время расположены в западной части соответствующих ареалов (северночакавские говоры типа Сусак, Истрия по отношению к прочим сербохорватским; западноболгарские среди прочих болгарских; лужицкий в западнославянской группе; "кривичские" и галицкие украинские по отношению к другим восточнославянским диалектам). По всей видимости, диалект, на основе которого сложились указанные современные системы, располагался на западе праславянской территории, позднее же носители говоров, продолжающих этот прадиалект, традиционно располагались в западной части территории нового расселения.

"Архаизм Илич-Свитыча" (а.п. *d*, см. [Еулатова-Дыбо-Николаев]) дает рефлексы, отличные от а.п. *s*, во всех морфонологических типах, также и в самых восточных славянских говорах (восточных и юго-восточных великорусских), образующих 4-ю группу. В этих говорах отсутствовала ретракция ударения с долгих гласных как на предшествующий долгий, так и на предшествующий краткий гласный, и в этом отношении они наиболее близки к праславянскому типу. Сохранение особых рефлексов а.п. *d*, а также отсутствие "долготной оттяжки" во 2-й и 4-й группах может быть объяснено универсальным лингвогеографическим правилом противопоставления архаичной периферии инновационному центру.

Диалекты 1-й группы (восточноболгарский, говоры "севернословенского акцентологического типа", северночакавские говоры типа Нови, Вргада), объединяются с диалектами 2-й группы изоглоссой "краткостной оттяжки". С другой стороны, "долготная оттяжка" объединяет диалекты 1-й группы с диалектами 3-й группы. В диалектах 1-й группы отмечается также

особое развитие а. п. *a* (в частности, в отдельных системах ее рефлексы сходны с рефлексами в 4-й группе). Есть основания полагать, что в одних диалектах (напр., в центральноболгарских) 1-й тип оттяжек возник на основе 2-го типа, а в других — на основе 3-го (предположительно в восточноболгарской системе "писна Гавриила"). Важно отметить, что в большинстве диалектов 1-й группы имеются те или иные отклонения от основного типа оттяжек в определенных морфонологических позициях (например, в пом. рl. neutra на *-ā* и т.д.).

Лингвогеографическое положение прadiaлекта 2-й группы было таковым, что он, видимо, располагался к западу от прadiaлекта 3-й группы. Еще восточнее был расположен прadiaлект 4-й группы; его достаточно ранняя изоляция препятствовала распространению указанных инноваций.

Введение в исследование ряда других акцентологических диалектизмов, как-то: ударение приставочных deverбатов, акцентный статус флексий локативов *i-* и *u-*основ, ударение глаголов с суффиксом *-но-*, распределение а.п. тематических платолов с корнями на нешумный и т.д., по-видимому, позволит установить более дробную группировку славянских диалектов и значительно уточнить первичное членение праславянского по данным акцентологии.

Современное состояние славянской археологии позволяет соотнести группы славянских диалектов, объединяемых указанными выше акцентологическими характеристиками, с раннеславянскими племенными объединениями и установить соотнесенность их с праславянским диалектным членением. Особенно хорошо это удастся проследить на восточнославянской территории.

Диалекты 3-й группы явно связываются с племенным подразделением словен (*склавены* Иордана). Отчасти это прослеживается по исторически засвидетельствованным самоназваниям носителей этого типа диалектов: словенцы, словаки (видимо, 3-й тип был характерен по крайней мере для языка-предка современных среднесловацких говоров), словинцы, новгородские (ильменские) словене. С древними словенцами археологи связывают пражско-корчакскую культуру и ее продолжение — культуру

Луки-Райковецкой, на территории которой в настоящее время расположены белорусские и украинские полесские говоры, относящиеся к 3-му типу (см., например, Седов 1988); к этой же культуре, видимо, восходит культура, связываемая с племенным объединением северян (см. Седов 1982, с. 133—139).

Диалекты 2-й группы на восточнославянской территории расположены в ареалах двух археологических культур. На северо-западе и севере они очень точно ложатся на археологический ареал кривичей. На юго-западе эти диалекты целиком расположены на антской территории (см. Седов 1988). Характерно также, что на территории этих диалектов помещают племенной союз во главе с дулебами. Связь этого типа с дулебами, по-видимому, подтверждается фактами юго-западного чешского дудлебского диалекта, включение которого во 2-ю группу (в отличие от центрально- и восточночешских говоров) основывается на том, что многие существительные а. п. *d* имеют в нем рефлекс окситонезы.

Проблему представляют 1-я и 4-я акцентологические группы. В Южной Славии в 1-ю группу входят диалекты "севернословенского акцентологического типа" (архаические кайкавские говоры, в основном севернее Загреба, штирийские диалекты в Словении, словенский резьянский говор, возможно, каринтийские говоры), к которым примыкают также северночакавские диалекты типа Нови, Вргады, Цреса и Крка, а также центрально- и восточноболгарские говоры (мизийские, тырновскогабровские и т.д.). Остается неясным, едины ли они по происхождению, или первый тип оттяжек возник в них независимо. Наличие диалектов 1-й группы на восточнославянской территории нуждается в дополнительных подтверждениях (ср. [Булатова-Дыбо-Николаев]) — возможно, к этой группе относятся некоторые загородские украинские говоры и вятичские по происхождению великорусские говоры. Археологические культуры, которые можно было бы поставить в специфическую связь с диалектами 1-й группы, пока не обнаружены.

4-я акцентологическая группа на великорусской территории занимает компактный и достаточно четко очерченный ареал к востоку от Москвы, располагаясь в основном на территории Волго-Клязьминского междуречья, традиционно считающейся ме-

рянской, на которой расположены основные находки особого типа височных колец, не соотносимых ни с одним известным восточнославянским племенем (см. Седов 1982, с. 185—196). Говоры этой группы, наряду с акцентологическими особенностями, характеризуются также восстановлением суффиксального *ž в глаголах типа *кричать, дышать*: *dyšět', dyšět, kr'ičět', kr'ičět'* (при том, что итеративы на -а- сохраняют -а-: *kon-s'át', m'esát'*). Далее на западе эта морфологическая черта присутствует: а) в верховьях Днепра и Угры (наиболее компактно на территории мощинской культуры); б) в Белоруссии это явление локализуется в полосе говоров, тянувшихся через всю территорию с Востока на Запад; в) в польских (в первую очередь мазовецких) и в некоторых северноморавских говорах. Как в верхнеднепровских и верхнеокских, так и в среднебелорусских обнаруживаются следы акцентуации по 4-му типу. В русской исторической традиции не известны славянские племенные образования, которые можно связать с этой диалектной группой. Более того, племенные образования, зафиксированные на данной территории, относятся историками и лингвистами к неславянским этносам, равно как и археологические культуры: так, голядь считается западнобалтским племенем, а меря — поволжско-финским. Мощинская культура и ее продолжения считаются голядской (западнобалтийской) культурой, а особые (браслетообразные незавязанные) височные кольца Волго-Клязьминского междуречья рассматриваются как атрибут мерянской культуры, хотя их находки выходят далеко за пределы мерянского ареала и характерны для большей части территории, на которой расположены восточнославянские диалекты 4-й группы.

Между тем, диалекты этой группы, ввиду сугубой архаичности их акцентной системы, не могут быть объяснены как результат вторичного развития какой-либо из известных акцентологических систем, а должны рассматриваться, вероятно, как наиболее раннее ответвление от праславянского; этнос, носитель этого диалекта, представляет, по-видимому, наиболее ранний восточный колонизационный поток славян. Вышесказанное, по-видимому, ставит под сомнение принятую в науке атрибуцию голяди и мерян. Находимые на данных территориях балтские и финские топонимы могут восходить к более ранним на-

сельникам данных ареалов или к языку населения сопредельных территорий. Обращает на себя внимание, что однозначная атрибуция археологами мощинской, а также колочинской и тушемльско-банцеровской культур как балтских в основном опирается на данные топонимики, а рассмотрение браслетообразных незавязанных колец как принадлежности новолжско-финской (мерянской) культуры базируется лишь на убежденности в финском характере населения основной части Волго-Клязьминского междуречья и противоречит тому факту, что финским племенам вообще были несвойственны височные кольца (они являются принадлежностью исключительно славянских племен), а в русских диалектах данной территории практически отсутствуют финно-угорские лексические заимствования.

Подробное изложение вышесказанного см. в: [Булатова-Дыбо-Николаев 1988; Дыбо-Замятина-Николаев 1990; Дыбо-Николаев 1989; Николаев 1988а; 1988б; 1989а; 1989б; 1990а; 1990б; 1990в; 1991а; 1991б; Николаев-Хелимский 1990].

Часть 3. К ИСТОРИИ ПЛЕМЕННОГО ДИАЛЕКТА КРИВИЧЕЙ

Большинство известных древнерусских диалектных различий не может рассматриваться в качестве пережитков племенных языков (диалектов) дообщевосточнославянского периода. Эти различия либо действительно поздние (например, несомненно возникшие после падения редуцированных), либо имеют ярко выраженный ареальный, наддиалектный характер (взрывное /фрикативное г, аканье и т. д.) В большинстве своем оказавшиеся бесплодными попытки возвести те или иные черты восточнославянских диалектов к дописьменной эпохе племенных языков (кривичскому, радимичскому, древлянскому и т. д.) привели к тому, что во второй половине XX в. окончательно утвердилось мнение о чрезвычайной трудности и даже невозможности найти под позднейшими напластованиями старые диалектные особенности¹⁰. Этому способствовала и гипотеза происхождения всех восточнославянских диалектов из единого правосточнославянского языка, являвшегося диахронической ступенью между восточнославянскими диалектами и позднепраславянским диалектно раз-

¹⁰ См., например, Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 34-38.

дробленным языком – гипотеза, никем строго не доказанная, а просто принятая на веру¹¹.

Эта гипотеза была подвергнута серьезному пересмотру лишь в последние годы, когда А.А. Зализняк в результате анализа языка древненовгородских берестяных грамот пришел к выводу, что "в целом древненовгородский предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских диалектов в части случаев восходят к праславянской эпохе"¹². Дальнейшие исследования показали, что "двовосточнославянские" черты, отмеченные Зализняком в древненовгородском, являются лишь частью гораздо более обширного комплекса специфических признаков, вошедших в древненовгородское койне из говоров древнепсковского типа¹³, в свою очередь принадлежащих к псковскому диалекту распространенного на обширной территории *кривичского племенного диалекта* [Николаев 1988а]. На основании анализа сохранившихся в северо-западных великорусских говорах системных архаизмов древнейшего периода, в значительной мере стертых и затемненных позднейшими явлениями, которые возникали самостоятельно либо заимствовались из сопредельных некривичских систем, мы можем сделать реконструкцию отдельных частей системы кривичского племенного диалекта.

Лингвогеографические ареалы приводимых ниже особенностей, возводимых нами к кривичскому племенному диалекту, очень точно ложатся в археологический ареал кривичей [Николаев 1988а; 1989а]¹⁴, а те случаи, когда данные черты обнаруживаются вне этого ареала, легко находят объяснение, например, в переселении носителей кривичских диалектов на новые территории уже в историческое время.

¹¹ Ср. попытку реконструкцию правосточнославянского в: Шиллентов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

¹² Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 51.

¹³ См. Зализняк А.А. Древненовгородское койне // БСИ 1986. М., 1988.

¹⁴ См. также Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970; *Isdem.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1972.

Проекция в древность обнаруживаемых кривичских архаизмов дает возможность реконструировать прежнее членение племенного языка кривичей, который делился на: 1) *псковский диалект*, делящийся в свою очередь на севернопсковский, центральнопсковский и южнопсковский; производными от севернопсковских являются северновеликорусские онежские говоры и многие северо-восточные (вятские, уральские, сибирские) великорусские говоры на территории нового заселения; 2) *древненовгородский диалект* (древненовгородское койне), сложившийся при взаимодействии псковских и ильменско-словенских (не кривичских) говоров; 3) *смоленский диалект* (к нему восходит часть западных великорусских и северо-восточных белорусских говоров); 4) *верхневолжский диалект* (к нему восходит большинство "селигеро-торжковских" и тверских великорусских говоров); 5) *полоцкий диалект* (на его основе сформировались северные и северо-западные белорусские говоры); 6) *западный диалект* (к нему восходят белорусские говоры северной Гродненщины). Древнекривичские говоры (в основном южнопсковские и смоленские) приняли участие в формировании многих великорусских говоров к востоку от Москвы (восточная часть "кривичского пояса" – см. [Николаев 1988а. С.137–141]).

Некоторые из важнейших фонетических и акцентологических черт, которые, с одной стороны, противопоставляют кривичские диалекты другим восточнославянским, и, с другой стороны, дают несколько различные рефлексы в разных кривичских по происхождению системах, приводятся ниже.

1. Рефлексы "напряженных редуцированных"

В большинстве кривичских в основе говоров особое развитие имеют так называемые "напряженные" *ѣ, *ћ, восходящие к праслав. *y, *i и *ь, *ь перед -j-. Наибольший интерес представляет развитие *ь, который по говорам, помимо "общерусского" о (< *ь^о) и "общebelорусско-украинского" *ы в любых позиционных условиях, дает иные рефлексы либо рефлексы, распределенные по особым позициям. Для большинства кривичских по происхождению говоров (за исключением потомков западного, полоцкого и верхневолжского диалектов) характерны две такие позиции: 1) перед праславянскими редуцированными следующего слога (например, окончание -*ѣь членных прилагательных м.

р.); 2) в прочих условиях (например, в презенсах у-глаголов: *тѣjѣ, *гѣjѣ).

В кривичских по происхождению говорах встречаются следующие системы, образующие по большей части компактные лингвогеографические ареалы: 1) восточнорусская, с рефлексом *ъ⁰ в обеих позициях (молодѡй : мѡю); 2) западная, с рефлексом *у в обеих позициях (молодѡй(ѡ) : мѡю); 3) смоленская, с рефлексом *ъ > ѡ/е в 1-й позиции и *у во 2-й позиции (молодѡй/молодѡй : мѡю); 4) I южнопсковская с рефлексом *ъ > ѡ/е в обеих позициях (молодѡй/молодѡй : мѡю/мѡю); 5) II южнопсковская система с *ъ⁰ в 1-й и *у во 2-й позиции (молодѡй/молодѡй : мѡю/мѡю); 6) деснинская система с *ъ⁰ в 1-й и *у во 2-й позиции (молодѡй/молодѡй : мѡю); 7) новгородская система с *у либо *ъ в 1-й позиции и *ъ⁰ во 2-й позиции (молодѡй/молодѡй : мѡю). Только в кривичских по происхождению говорах встречаются системы 3, 4, 5 и 7 (подробнее см. [Николаев 1988а. С.118-121]).

2. Рефлексы *ъ, *ъ перед мягкими и смягченными сонантами

Специфической чертой псковских говоров (а также, видимо, части смоленских) является переход *ъ > е/ы и *ъ > 'и перед исконно мягкими сонантами (*п', *л', *р' = *пj, *лj, *рj) и новыми сочетаниями сонант + j (л'j, п'j, р'j, г'j < ѡj, пьj, ѡьj, гьj). Иными словами, в псковском и смоленском диалектах редуцированные в данной позиции (перед мягкими сонантами, но не старыми "полумягкими" перед гласными переднего ряда) получали то же фонетическое качество, которое было свойственно в тех же говорах "напряженным" *ѡ и *ѡ перед j, и развивались в дальнейшем как последние¹⁵: псков. одѣнье/одѣнье < *о-дѣльje; вѣдль 'вдоль' < *вѣ-дѣльjь; острѣвьѣ / острѣвьѣ < *ostrъвьjje; гылѣк / гилѣк 'рукомойник' < *гълjькь; молнья 'молния' < *мл(ъ)пья; смолен. вапирь 'кабанчик' < *вер(ъ)гь; также псков. болѣньѣ / болѣньѣ < *bol(ъ)пья с особым развитием "полногласного" сочетания; ст.-смолен. Смолинскъ < *smolъпьяskъ. В древненовгородском, верхневолжском, полоцком и западном кривичских диалектах *ъ

¹⁵ Материал взят из: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-Б. Л., 1967-1984.

и *ъ в данной позиции развивались по "общевосточнославянскому" типу (впрочем, в верхневолжском, где *ъ > о, невозможно отличить "псковско-смоленский" тип развития от "общевосточнославянского").

Особое развитие *ъ и *ь перед мягкими сонантами является специфически кривичской чертой. Оно связано с тем, что в кривичских диалектах (по крайней мере в псковском и в части смоленских говоров), по-видимому, до эпохи падения редуцированных и даже позднее сохранялось различие между твердыми "полумягкими" (возникшими из твердых перед гласными переднего ряда) и мягкими сонантами старого и нового происхождения ($л' \ll п'j, п'j < пь'j$ и т. п.). Видимо, в пракривичском существовал целый ряд переднеязычных мягких согласных – кроме сонантов, также *t', *d', *s', *z' (см. ниже, раздел 4).

3. Рефлексы *k, *x в позиции II палатализации

Давно известно "отсутствие второй палатализации" (вернее, аффрикатизации рефлексов веллярных *k, *x и превращения в s' праслав. *x в позиции II палатализации) в псковских говорах и отчасти в древненовгородском диалекте¹⁶. Речь идет в основном о рефлексах корневых *k, *x в *кѣръ 'цеп' и 'палочка', *кѣдѣти 'цедить', *кѣркы 'церковь', *кѣвь 'полая палочка, шпулька', *кѣль 'целый', *кѣна 'цена', *хѣръ 'серый', *хѣдь 'седой': псков. *кѣп* 'цеп; нить или круглая палка, употребляемая для сохранения параллельности основных нитей ткани' и производные от этого слова; *кѣвь*, *кѣвка* и т. п. 'ручка цѣпа; шпулька'; *кѣдиль*, *кѣж* 'цедить; процеженный настой'; др.-новгор. *хѣре 'серый'; *кѣле* 'целый'; *кѣркѣвь* 'церковь' (см. [Николаев 1988а]¹⁷); *хѣде 'седой' (в топонимии).

В псковских и новгородских говорах засвидетельствована

¹⁶Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С.12-14.

¹⁷См. также: Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке // Псковские говоры. Вып. II. Псков, 1968; Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Яким, В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986.

также и другая система, "Новопсковская", при которой *k в позиции I и III палатализаций дает ц, в позиции II палатализации - ц'/ч' (ц'ельяй, ц'ёркоф/чёрква, ч'ёд'им - но цорт, цыстыяй, џ'лица, на џ'лицэ и т. д.). В смоленском диалекте (как в великорусских, так и в белорусских говорах) распространена "смоленская" система с совпадением рефлексов I и II палатализаций в ч/ч'(/ч'') и противопоставленным им рефлексом III палатализации (обычно ц): ч'авіа, чап'ёц, ч'ёркѣв, чына, ч'еп; крич'ят, к'ич'аво, ун'ч'ек, џскоч'ит', но џ'лица, к'ур'ица, џ канцэ и т. п. В Верхневолжском диалекте распространена система с противопоставлением ц' < *k' в позиции II палатализации, ч/ч' < *k в позиции III палатализации и ц < *k в позиции I палатализации (ц'еп : ч'істыяй : џ'лица). В полоцком и западном диалекте, а также во многих говорах, возникших на основе верхневолжского кривичского диалекта, развитие шло по "общевосточнославянскому" пути (*k^h, *i^hk > ц/ц', *k^e > ч/ч'). В древненовгородском, по-видимому, в разное время были представлены различные системы (сначала "псковская", потом новопсковская, затем восточная "ильменско-словенская" система с совпадением рефлексов всех палатализаций в одной аффрикате типа ц''/ч'').

В смоленском, полоцком и западном диалектах *x в позиции II палатализации дает ш (смолен. шёрый, сев.-белор. шэры(й)); в верхневолжском рефлексом в этой позиции является, видимо, с' (с'ёрой, см. [Николаев 1988а. С. 141-152]).

4. Развитие *tj, *dj, *sj, *zj перед -а- и -о-

Развитие *tj, *dj > к, г и *sj, *zj > х, γ перед -а- и -о- в псковских и смоленских говорах доказывается на следующих примерах: 1) псков. нота 'ноша' < *novja; нап'уга 'пресыщение' < *na-rodja; уо́ака / вдо́ака 'удача' < *vdatja; надёга 'надежда' < *na-dedja; олон., новг. запрёка 'досада' < *za-prētja; смолен. мо́лога 'молодые растения' < *moldja; зула́га = *zъла́га 'пазуха' < *za-razja; 2) итеративные глаголы на -ja-: псков. ска́зывать 'сказывать (косой)' < *kasj[o]vati; прикра́шивать 'прикрашивать' < *krasj[o]vati; меша́ть 'мешать' < *mesjati; пра́сать, пра́шивать 'просить' < *prasjati, *prasjovati; ве́шать 'вешать' < *vesjati; на́сывать 'носить' < *nasj[o]vati; назра́живать 'грозить' < *grazj[o]va-

ti; *вѣговать* 'возить' < **vazj[lo]vati*; *рогѣть* 'рожать' < **ro-djati*; псков., смолен. *сострека́ть*, *встрекáть* < **st-rétjati*; псков. о-, *выпругáть* < **prōdjati*; *впéкать* 'засунуть' < **pé-tjati*, ср. в-*нѣтитъ*; *богáть* 'бодать' < **bodjati*, ср. псков. *бодѣтъ*; *завекáть*, *завековáть* 'давать зарок, завещать' < **vě-tjati*, **větj[lo]vati* и т. д. (см. [Николаев 1988б], где приводится документированный материал). В верхневолжском, полоцком и западном диалектах известно лишь **tj* > *k* перед -а- (и, видимо, -о-): сев.-белор. *сустрака́ць*, *замска́ць*, тогда как **dj*, **sj*, **zj* дают "общевосточнославянские" рефлексy ж/ж', ш/ш'. В древненовгородском, судя по данным берестяных грамот, все рефлексy "общевосточнославянские" (u/ч, ж, ж, ш)¹⁸. Сложнее дело обстоит с рефлексами **tj*, **dj*, **sj*, **zj* в позиции перед другими гласными (не а и о). Видимо, в псковском мы имеем **tj* > -к'-/т'-, **dj* > -дз'- > -з'-(*гáп'у* 'штаны' < **gatjě*; онеж. *мезѣнь* 'жаркая пора, штиль' < **medjěнь*; *рызѣй* 'рыжий' < **rydǫjǫ*), также -ч/ч', -ж < -**tj*ǫ, -**dj*ǫ (суффикс -щ/-щ' < -**itj*ǫ, онеж. *кеж* < **kědǫ*, ср. чеш. *sez*, сербохорв. *сѣјед*); рефлексy **sj* и **zj* в этой позиции точно не известны. В смоленском **tj* дает ч'/ч' (*гáч'у*, -щ' / *гáч'у*, -щ'), **dj* > -дз'- > -з', -з (*мез* 'между' < **medǫ*, *мезисѣтка* < **medj[e]sítǫka*), **sj* и **zj*, по-видимому, дают ш/ш' и ж/ж'. В верхневолжском, полоцком и западном диалектах рефлексy в этой позиции равны "общевосточнославянским" (**tj* > ч/ч', **dj* > ж/ж', **zj* > ж/ж', **sj* > ш/ш').

Окончательное установление древней рефлексации **k*, **x* (примеры на **g* пока не обнаружены) в позиции II палатализации и **tj*, **dj*, **sj*, **zj* перед различными гласными в кривических диалектах еще предстоит, однако уже сейчас можно утверждать, что прасистема, предшествовавшая рассмотренным рефлексам, не выводима из постулируемой "общевосточнославянской". В псковском и смоленском диалектах представлены системы рефлексации, близкие к лехитской и принципиально отличающиеся не только от всех других восточнославянских, но и от западно- и южнославянских систем рефлексации. Дело в том-

¹⁸ См. Зализняк А.А. Древненовгородское койне // ВСИ-1986. М., 1988. С.62.

что в этих кривичских и в лехитских системах сочетания дентальных с *-j-* перед передними гласными и велярными в позиции II палатализации дают одинаковые рефлексy, тогда как в других славянских диалектах (наряду с южно- и восточнославянскими также в словацком) эти рефлексy различны:

	Псковск.	Смоленск.	Лехит.	Рус.литер.	Старослав.
*tj	*k'	č'/č'	*c'	č'	š't'
*dj	*z'>z'	*ž'>z'	*z'	ž	ž'd'
*sj	?	š	*š'	š	š'
*zj	?	ž	*ž'	ž	ž'
*k ^ē	k'	č'/č'	*c'	c	c'
*x ^ē	x'	š	*š'	š'	š'

См. подробнее о рефлексax праславянских дентальных с *-j-* и велярных в позиции всех трех палатализаций в "пракривичском" и далее в отдельных кривичских "диалектах" в [Николаев 1988а. С. 128-141; 150-152; 1990в. С.59].

5. Рефлексy праслав. *tl (< *tl, *dl)

Псковский рефлекс *-гл-* (*-кл-*) < *dl, *tl известен давно (*блжгмслѣ* < *bljudli se, *привегли* < *privedli, *уссегли* < *uszēdli, *соустрѣкли* < *sqstrēkli и т. п. в старопсковских рукописях¹⁹; псков. *жагло/жигло* 'жало' < *žętlo/*žitlo, *жерезло* 'протока' и т. д. < *žerTlo). Начальное *кл-* < *tl отмечается в искомском, древненовгородском, смоленском и западном диалектах (псков./ новгор. *клец* 'лещ' < *Tleščь, смолен., западн. *клѣк* 'селечочный рассол' < *Tькь или *Tькь, ср. полоцк. *лѣк* 'id.' и некоторые другие). Кроме того, в искомском и верхневолжском диалектах *-кл-* является на месте *tl в рефлексе *čtli, *-а* (*прочклá, прочклí* 'прочитала, прочитали').

В белорусских говорах, возникших на основе западного кривичского диалекта, распространен рефлекс *-дл-* (реже *-л-*, *-ѣл-*, *-ил-*, *-ѳ-*) < *tl во многих словах, как правило, в суффиксе *-Tло-*. Бытующее мнение о польском происхождении этих слов, видимо, неверно ввиду чисто белорусского характера фонетики и акцентуации этих слов, а в некоторых случаях и

¹⁹ См., в частности, Шаломов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С.101-102.

словообразовательных моделей: *вiдлы, вiдла* 'вилы' (**vīTla, *vīTly*); *жiраво, жерауло* (< **žerTlo*); *крызлы* 'бакавыя жэрдкі ў саях-развалках' (< **kriTla*); *мапавiдла* 'моговило' (< **motovīTlo*); *мядліца* 'мялка', *мядліца* 'мялка', *мядліць* 'мять на мялке' (< **meTlo, *meTlica*); *сукадло, сукайло* 'прылада для навівання нітак на цэўкі' (< **sukaTlo*); *шыдла* 'шило' (< **šīTlo*); *жадла* 'жало' (< **žeTlo*); *трапайло* 'прылада, якой трэплюць лен' (< **treraTlo*); *мыдла, мыдліць, мыдліца* 'мыло; намыливать'; *таз для стiрки* (< **tuTlo, *tuTliti, *tuTlica*); *сабла* 'сало' (< **saTlo*); *равлó, равліць, равлавачь* 'плуг-окучник; окучивать' (< **orTlo, *orTliti, *orTlouati*); *цапiдло/цапавiдла* 'рукоять серпа' (< **sēpTlo/*serovīTlo*), а также *ядленец, ядлінец, ядлéc, ядлóвец/ядлавéц, ядлóўник* 'можжевельник' (< **j[a]Tl'ьльсь, *j[a]Tl'ьсь, *j[a]Tl'ьсь, *j[a]Tl'овьсь, *j[a]Tl'овьнікъ*) – среди этих форм из польского могли быть заимствованы лишь рефлексы **j[a]Tl'овьсь*. Рефлексы **sēpTlo/*serovīTlo* и **j[a]Tl'* – с сохранением *-дл-* отмечаются не только в западном, но и в полоцком диалекте. Во всех прочих примерах полоцких, как и верхневолжский (где единственное исключение – *-кл-* в рефлексе **čьtl-*), **Tl* дает *л* во всех позициях. В интервокале **Tl* дает *-л-* также в древненовгородском²⁰ и в смоленском (в последнем *-дл-* известно лишь в *волкодлáк* 'вурдалак' < **vьkоTl'акъ* с не очень точной локализацией "смол."). Прочие восточнославянские диалекты имеют рефлекс **Tl* > *l* во всех позициях, за исключением некоторых архаичных закарпатских говоров с развитием *-*Tl' > -x, -*Tl'V- > -IV-* после *и* < **и, *o, џ* < **ō*, например, в с. Тўрья Пóляня Перечинского р-на Закарпатской обл.: *шжx* (< **vēdl'ь*), *шelá* (< **vedlá*); *вx* (< **bōdl'ь*), *bolá* (< **bodlá*); *pl'ьx* (< **plētl'ь*), *plēlá* (< **pletlá*); *γx* (< **γōdl'ь*), *γulá* (< **gōdlá*); *ml'ьx* (< **mētl'ь*), *melá* (< **metlá*). Эти формы на *-x* несомненно не имеют никакого отношения к сигматическому аористу²¹ Галицкий украинский диалект, к которому принадлежит и

²⁰ См. Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты... С.121.

²¹ См., например, обсуждение этого вопроса в: Паникєвич ІВ. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Прага, 1938. С.316–317.

данный закарпатский говор, сходит с кривичскими диалектами специфические акцентологические схождения (см. ниже). После гласных *-a-*, *-o-* и *-i-* и после согласных **ʦl* дает *-w*: *wpaw* (< *wpǎdǎb*), *wpála* (< **wǔpǎdǎb*); *kraw* (< **krǎdǎb*), *krála* (< **krǎdǎb*); *s'iw* (< **sǐdǎb*), *s'íla* (< **sǐdǎb*); *išow* (< **šǐdǎb*), *išlá* (< **šǐdǎb*); *pr'aw* (< **prǐdǎb*), *pr'ála* (< **prǐdǎb*); *klaw* (< **klǎdǎb*), *klála* (< **klǎdǎb*); *cw'iw* (< **kwǐtǎb*), *cw'íla* (< **kwǐtǎb*); *jiw* (< **jǐdǎb*), *jíla* (< **jǐdǎb*); *pow'iw* (< **powǐdǎb*), *pow'íla* (< **powǐdǎb*). Сочетание **stl* дает *-st*: *rust* (< **órstǎb*), *roslá* (< **orstǎb*).

Судьба праслав. **ʦl* объединяет кривичские системы с западнославянскими.

6. Рефлексы **ě*

В отличие от всех прочих восточнославянских диалектов, для которых характерны рефлексы праслав. **ě* в виде узкого гласного или дифтонга со вторым узким компонентом (укр. *ie*, *e*, *i* по диалектам, южно-белор. *ie*, *e*, вост. и сев.-русск. *ie*, *e*, *i*), для всех кривичских (в основе) говоров свойственны рефлексы дифтонга с широким вторым компонентом, типа *ie̯* или *iĕ* (в случае монофтонгического рефлекса – обычно широкое *e* после мягкого согласного). Рефлексы "узкого" дифтонга отмечаются только в редких великорусских кривичских говорах на территории верхневолжского и смоленского диалекта²² В севернопсковских и онежских говорах, с одной стороны, и в "кривичских" белорусских, с другой, отмечаются рефлексы **ě* в виде *'ǎ*, *'a*, совершенно нетипичные для остальной восточнославянской территории: псков. *ǎla* ('д'ов.) 'ела' < **jǐdǎb*, *кпп* 'цеп' (псков., ПОС 1:167) < **kǐrǐb* = **sǐrǐb*, онеж. *psǎla* 'рела' < **rǐra* и т. д. В белорусском: "Совпадение *ě* и *e* произошло позже обращения последнего перед твердыми согласными сначала в *ǐ*, а потом в *o* с предыдущей мягкостью согласного; вследствие этого, хотя *ě* и *e* совпали в одном звуке, но *e*, заместитель *ě*, перед твердым согласным не мог обращаться в *ǐ*, а переходил в *ǎ*. Таким образом, тогда как *e* из *e* основного и совпавшего с ним в известных случаях *ě* сохранилось

²² См. Диалектологический атлас русского языка: Центр европейской части СССР. Фонетика. Вып. 1. М., 1986. Карты 40, 41.

только в виде *ε* узкого, так как этот звук возможен был лишь перед мягким согласным, *ε* из *ѣ* сохранилось и в виде *ε* и *ā*: *п'εл'и* (пѣли), *ѣл'и* (ѣли), с одной стороны, и *п'āй* (пѣль) и *ѣй* (ѣль) – с другой... Таким образом, в белор. языке *ā* всегда предполагает *ѣ*, исключая некоторые случаи, где *ā* на месте *ε* вызвано особыми обстоятельствами..."²³ (Е.Ф.Карский буквой *ā* обозначает как широкое [ε], так и [ā], а буквой *ε* – узкое [ε]). Разумеется, речь в приведенной цитате идет о северных, западных и восточных белорусских говорах, сформировавшихся на кривичской основе, так как в центрально- и южнобелорусских говорах **ε* первоначально отражался в виде "узкого" дифтонга *ie* или монофтонга *e*, отличного от *ε* < **ε*, **ь*²⁴. В рефлексии **ε* кривичские диалекты близки к лехитским (ср. польск. *iā/iē*); еще одной, более отдаленной зоной "широкого" произношения рефлексов **ε* является болгаро-македонский (при этом многие болгарские и восточномакедонские диалекты обладают специфической близостью к кривичскому в акцентуации, см. разделы 7 и 8)²⁵.

7. Акцентологические особенности

В отличие от южнобелорусских (в основе которых лежат племенные диалекты волянян, дреговичей и древлян), большинства северо-великорусских (сформировавшихся на основе племенных диалектов вятичей, северян и славян Верхнего Дона) и некоторых других восточнославянских группировок говоров, в системах, возникших на кривичской основе, хорошо сохраняется окситонеза ед. ч. существительных м. р. так называемой акцентной парадигмы *d* ("смешанной"), рефлексия которой является одним из универсальных критериев позднепраславянского диалектного членения (см. часть 2 настоящего Доклада). Кроме

²³ Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. М., 1955. С.202.

²⁴ См. Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963. Карта 23.

²⁵ О рефлексах **ε* в древненовгородском см.: Зализняк А.А. Древненовгородское койне. С.63, пункт 9: "узкое" произношение **ε* свойственно некривичскому компоненту древненовгородского койне.

того, в некоторых псковских, смоленских и полоцких говорах сохранились непосредственные рефлексы особого характера акцентной кривой парадигмы *d*, характеризовавшейся аномальным "циркумфлексом" или "краткостным ударением" в им.-вин. п. ед. ч. при окситонезе (нафлекссионном ударении) в прочих падежных формах, например: псков. заонеж. *бѣрек*, род. п. *берегá*, творит. п. *берегомъ* < **bĕrgъ*, **bergá*, ср. белор. литер. *бѣраг*, *бѣрага*, словен. *brĕg*; псков., полоцк. *мѣлот*, *мѣлотá* < **mŏltъ*, **moltá*, ср. белор. литер. *мѣлат*, род. п. *мѣлата*, словен. *mŏt*; псков. *крук*, род. п. *кругá*, полоцк. *крух*, *крузá*, верхневолжск., заонеж. *крук*, *кругá* < **krŏgъ*, **krŏgá*, ср. белор. литер. *круг*, *кругá*, словен. *krŏg* и т. д. Эта черта объединяет кривичские диалекты с украинскими галицкими говорами, северночакавскими говорами типа Суска и Истрии, многими западноболгарскими и восточноштокавскими говорами, верхнелужицким языком, южноштокавскими говорами и, видимо, великопольским и юго-западным чешским диалектом.

В большинстве из этих диалектов, как и в кривичском, наблюдается также особый вид оттяжки ударения с долгих гласных (см. часть 2), материально не связанный с сохранением окситонезы в рефлексах акцентной парадигмы *d* и насуффиксальное ударение в формах 2 л. ед. ч. *i*-глаголов а. п. б.

Указанные акцентологические особенности являются наиболее важными свидетельствами древнейшей истории кривичского племенного диалекта, так как они никак не могли возникнуть в период после предполагаемого распада общевосточнославянского языка (например, для возникновения данных типов оттяжек ударения необходимо было сохранение праславянских долгот и интонаций), тем более что нетривиальное сочетание акцентуационных признаков (сохранение окситонезы в словах акцентной парадигмы *d*, 2-й тип оттяжек ударения и ударение типа *мѣлиши*) несомненно говорит о том, что в позднепраславянский период имелось специфическое родство диалектов — предшественников кривичского, верхнелужицкого, галицкого, северночакавского, восточноштокавского и западноболгарского. Напротив, диалекты, легшие в основу южно-белорусских, ильменско-словенских, старохорватских, поморских и словенских говоров, в ту пору составляли свое специфическое единство, противопоставленное приведенному выше.

Основные положения доклада отражены в следующих работах:

а) Монографии:

1. "Индоевропейские истоки балто-славянской акцентуационной системы". Опубликовано в:

Николаев 1986б - Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки. АКД. М., 1986. 1 л.

Николаев 1989б - Индоевропейские истоки балто-славянской акцентуационной системы // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. 4 л.

Николаев 1990б - Об одной праславянской акцентологической изоглоссе // Конференция "Закономерности языковой эволюции". Рига, 1990. 0,25 л.

Николаев 1991а - К акцентуации праславянских тематических глаголов с корнями на шумный // Славистика, индоевропеистика, ностратика. М., 1991. 0,5 л.

Николаев 1983 - К исторической морфонологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. 2,5 л.

Николаев 1986а - К исторической морфонологии древнегреческого глагола (окончание) // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. 3 л.

Николаев 1977 - О морфонологии древнегреческого глагольного корня // Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". М., 1977. 0,25 л.

Николаев 1978 - Два класса глагольных корней вида СВ(С)В в древнегреческом // Конференция "Проблемы реконструкции". М., 1978. 0,25 л.

2. "Восточнославянские племенные диалекты". Монография опубликована в статьях:

Николаев 1988а - Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. 3 л.

Николаев 1989а - Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989. 3 л.

Николаев 1990в - К истории племенного диалекта кривичей

// Советское славяноведение. № 4. М., 1990. 1 л.

Николаев 1988б - Отражение праславянских *o и *ъ в одной из северновеликорусских диалектных систем // Историческое развитие и методы его изучения. Ч.2. Свердловск, 1988. 0,25 л.

Николаев 1990а - Восточнославянские акцентологические изоглоссы. I. Рефлексы оттяжек ударения в галицком диалекте // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990. 1 л.

Николаев 1991б - Новые данные о краткостной оттяжке в галицком диалекте // Ibid. 0,5 л.

3. "Основы славянской акцентологии":

Дыбо-Замятина-Николаев 1990 - Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. 20 а.л. Диссертантом написаны: 2-я ч. I главы (с. 85-159); II глава (с. 109-159); 1-я ч. III главы (с. 170-229).

б) Совместные статьи и тезисы:

Булатова-Дыбо-Николаев 1988 - Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988. Доклады советской делегации. М., 1988. 2 л.

Дыбо-Николаев 1989 - Дыбо В.А., Николаев С.Л. К проблеме раннеславянского диалектного членения // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч.2. М., 1989. 1 л.

Николаев-Старостин 1977 - Николаев С.Л., Старостин С.А. О парадигматических классах индоевропейских глаголов // Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". М., 1977. 0,25 л.

Николаев-Старостин 1978 - Николаев С.Л., Старостин С.А. Некоторые соответствия индоевропейских долгот и ударений // Конференция "Проблемы реконструкции". М., 1978. 0,25 л.

Николаев-Старостин 1982 - Николаев С.Л., Старостин С.А. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. 5 л.

Николаев, Хелимский 1990 - Николаев С.Л., Хелимский

Е.А. Славянские (новгородско-псковские) заимствования в прибалтийско-финских языках: -а и -и в рефлексах имен мужского рода // Uralo-Indogermanica. Ч.1. М., 1990. 0,5 л.

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ И В СВЕТ 5.5.92.

ЗАКАЗ № 92 ТИРАЖ 100 экз.

Ротапринт ВНИПИстативформ.

